

М. Г. Вандалковская

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ XX ВЕКА 20–30-е годы

М. Г. Вандалковская

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ XX ВЕКА 20–30-е годы

Учебное пособие
для общеобразовательных
организаций

Москва
«Просвещение»
2017

УДК 372.8:94(47)
ББК 74.266.31
В17

16+

Вандалковская М. Г.

В17 Русская эмиграция XX века. 20—30-е годы : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / М. Г. Вандалковская. — М. : Просвещение, 2017. — 63 с. — ISBN 978-5-09-050116-3.

Данное пособие окажет научно-методическую помощь учителям истории общеобразовательных организаций в переходе к изучению курса в свете положений историко-культурного стандарта. На основе новейших научных данных рассмотрен уникальный социокультурный феномен русской эмиграции 20—30-х гг. XX в. Автор анализирует научную, педагогическую, творческую деятельность эмигрантов из России во Франции, в Германии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, процессы взаимодействия и взаимообогащения разных культур. В приложении приводятся воспоминания известных учёных и деятелей культуры об эмиграции и о России.

Книга адресована учителям, а также всем интересующимся историей.

УДК 372.8:94(47)
ББК 74.266.31

ISBN 978-5-09-050116-3

© Издательство «Просвещение», 2017
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2017
Все права защищены

Эмиграция в истории человечества — явление не новое. Масштабные исторические события цивилизационного характера всегда сопровождаются миграционными и эмиграционными процессами. Например, открытие Америки было связано с мощной миграцией в Новый Свет европейцев из Великобритании, Испании, Португалии и других стран. Колониальные войны XVIII—XX вв. сопровождалась переселением англичан и французов в Северную Америку. Французская революция XVIII в., казнь Людовика XVI вызвали аристократическую эмиграцию из Франции.

Причины эмиграции были различны — от желания улучшить материальное положение до политической непримиримости с господствовавшей властью.

Следует иметь в виду, что эмиграция — это всегда конкретно-историческое явление, на которое накладывают отпечаток историческая эпоха, условия государства, принявшего эмигрантов, их социальный состав, менталитет, взаимодействие с местным населением. В силу этих особенностей та или иная эмигрантская общность или диаспора приобретает характерные черты. Вместе с тем природой эмиграции, её сущностью определяются общие черты, свойственные феномену эмиграции.

Отъезд из родной страны обычно связан с раздумьями, с сожалением, с ностальгией. Потеря Родины, почвы под ногами, ощущение уходящей привычной жизни, её защищённости и благоустроенности неизбежно рождает настороженность в восприятии нового мира и нередко пессимистический взгляд на своё будущее. Эти эмоционально-психологические чувства присущи большинству эмигрантов, за исключением тех немногих, кто в эмиграции создал свой бизнес, своё дело или своё «политическое поле».

Важной особенностью эмиграции в разные времена, проявлявшейся по-разному, является сам факт культурного взаимодействия, интеграция историко-культурных процессов, присущих отдельным народам и странам. Соприкосновение с другой культурой, ментальностью и образом мышления накладывает отпечаток на взаимодействующие стороны, на культуру самих эмигрантов и на культуру страны, где они осели.

В ходе взаимодействия разных культур расширяются горизонты восприятия, вырабатывается терпимость к инакомыслию, обогащаются созидательные культурные процессы в разных областях: взаимообмен знаниями и идеями разных культур существенно продвигает их развитие, способствует возникновению новых открытий в области науки и культуры. В данном случае речь идёт о культуре в широком смысле слова — от культуры поведенческой до общеобразовательной и профессиональной.

В России миграционные процессы практически не прекращались. В XVI—XVIII вв. имели место как отъезд из России, так и приток в неё иностранцев. Начиная с 70-х гг. XIX в. тенденция преобладания выехавших из России над прибывавшими становится стабильной и долговременной. За период XIX — начала XX в. (до 1917 г.) Россию покинуло от 2,5 до 4,5 миллиона человек. Причины этого явления были различными (экономическими, личными и др.). Политические причины отъезда из России не были ведущими, таковыми они стали после событий Октября 1917 г.

Русская эмиграция 20—30-х гг. XX в. — эмиграция особого рода. Эмигранты вынужденно оказались за пределами своей страны. Они не ставили перед собой меркантильных целей, не имели материальной заинтересованности.

Неприятие революции и связанных с ней преобразований, экспроприация собственности и разруха, утрата привычных условий жизни определяли необходимость покинуть Россию. К этому добавлялись преследование новой властью инакомыслия, аресты, заключение в тюрьмы и, наконец, высылка из страны интеллигенции.

Данные об эмиграции в период Гражданской войны и в 20—30-е гг. XX в. разноречивы. По одним сведениям, за пределами России оказалось 2,5 млн человек. Эмигрантская пресса 1924 г. сообщала о 3 млн русских эмигрантов.

Русская эмиграция 20—30-х гг. XX в. — уникальный социокультурный феномен: она сохранила в памяти культурные традиции, русский язык, религиозно-нравственные ценности и создала своего рода русское культурно-историческое пространство старой России, которое могло существовать в зарубежной среде при всей её противоречивости и сложностях.

В приложении приводятся воспоминания известных учёных и деятелей культуры об эмиграции и о России.

Путь в эмиграцию

Военно-политическая эмиграция

После ухода в 1919 г. с территории Украины и Юга России войск интервентов началась активная эвакуация белых армий Деникина и Врангеля в Турцию. Гражданская война, репрессивная политика советской власти приводили к увеличению числа беженцев.

Беженцы уезжали из России сухопутными и морскими путями. Северный сухопутный путь шёл через Мурманск, Архангельск, Норвегию в европейские страны, западный включал в себя Англию, Германию, Францию. Морской путь беженцев проходил через Чёрное море в Турцию и затем в европейские страны.

Жители Великого княжества Финляндского, Царства Польского, Литвы, Латвии, Эстонии, входивших до 1917 г. в состав Российской империи, первое время оставались на положении эмигрантов, затем многие из них перебирались в восточноевропейские страны.

Эмиграция расширялась и социально, охватывая новые слои общества. Если в 1917—1918 гг. из России эмигрировали в основном представители дворянских фамилий, высшая царская бюрократия, консервативные политические круги, то уже с 1919 г. красный террор вызвал бегство из страны военных, казаков, интеллигенции, духовенства, мелкой и средней буржуазии, как враждебно, так и нейтрально настроенных к новой власти.

Основные социальные силы эмиграции составляли военные, казаки, интеллигенция.

Накануне эвакуации Русской армии П. Н. Врангеля из Крыма генерал в разговоре с епископом армии и флота Вооружённых сил Юга России Вениамином так характеризовал положение дел: «...почти нет никаких надежд на дальнейший успех добровольческого движения. Армия разбита. Дух пал. Оружия почти нет. Конница погибла. Финансов никаких. Территория уничтожена.

Союзники ненадёжны. Большевики неизмеримо сильнее нас и человеческими резервами, и вооружённым снаряжением».

Из Новороссийска, Керчи, Феодосии, Севастополя, Евпатории, Ялты к турецким берегам отходили корабли, перегруженные военными, их семьями, многочисленными беженцами. Под влиянием репрессий, проводившихся органами ВЧК против белых армий и всех враждебных советскому режиму сил, резко увеличилось число желающих покинуть Россию. В итоге корабли принимали на борт количество людей, в 2—3 раза превышавшее допустимую норму. На всех кораблях были подняты французские флаги. Франция признала Правительство Юга России при П. Н. Врангеле и всемерно его поддерживала. Тяжёлое моральное состояние беженцев усугублялось трудностью пути, скученностью на кораблях, болезнями, отсутствием продуктов питания.

По данным штаба армии Врангеля, к Константинополю подошло 126 судов, на которых находилось 146 693 человека, не считая судовых команд. Из них 50 тысяч военных, более 6 тысяч раненых, остальные — гражданские лица, в том числе 7 тысяч женщин и детей.

Значительная часть беженцев из России осела в Константинополе. Справочное регистрационное бюро в конце 1920 г. зафиксировало в городе 190 тысяч человек.

Резко возрастала социальная дифференциация беженцев. Более денежные и предприимчивые открывали рестораны, кафе, клубы, игорные дома (процветали картёжные игры, устраивались собачьи и петушиные бои с тотализатором, лотереи, тараканьи бега). Но не всем удавалось найти работу даже за незначительную плату. Основная масса беженцев бедствовала, офицеры работали грузчиками, чернорабочими, женщины — официантками и уборщицами в ресторанах.

Публицисты В. Х. Даватц и Н. Н. Львов, авторы книги «Русская армия на чужбине», писали: «Мы испили чашу национального унижения до дна. Мы поняли, что значит сделаться людьми без отечества. Весь смысл армии в том и заключался, что, пока была армия, у нас оставалась надежда, что мы не обречены затеряться в международной толпе, униженные и оскорблённые в своём чувстве русских».

Безработица, нищета, чувство подавленности и безысходности часто вели к деградации, потере личности. Русский писатель-сатирик А. Т. Аверченко, который вместе с остатками армии Врангеля попал в Константинополь, создал яркие зарисовки жизни и быта русских эмигрантов. По словам писателя, он с «юмором висельника» писал о «константинопольском зверинце», о «разбитых вдребезги чувствах», о страданиях и потрясениях беженца из России.

Военные лагеря были размещены в Галлиполи, Лемносе, Чаталдже, в Северной Африке на базе союзников в Бизерте. По сведениям русского командования, в военных лагерях было размещено 19 893 человека. В Галлиполи — 26 485 человек, из них женщин 1354, детей 246; в Лемносе — Кубанский лагерь — 8052 человека, женщин 149, детей 25; в Чаталдже — 8729 человек, из них 548 женщин и детей.

Жизнь в военных лагерях была чрезвычайно трудной. Эмигрантов размещали в полуразрушенных зданиях без застеклённых окон и прочной крыши. Люди умирали от эпидемий азиатской холеры и туберкулёза. Генерал Врангель сообщал Совету Лиги Наций и Международному Красному Кресту, что истощение беженцев и болезни приобретают катастрофические масштабы.

Охрану общественного порядка и дисциплину в военных лагерях обеспечивал союзнический гарнизон, стараясь не допустить оттока российских военных в турецкую армию. К этому добавлялось и брожение в рядах самих военных беженцев. Многие из них уже не верили в «белое дело», а бытовое неустройство порождало желание вернуться в Россию. Армейские сводки сообщали, что «ежедневно из полков поступали длинные списки бежавших ночью. Многих из них находили... и приводили обратно».

Русское военное руководство в безуспешных попытках сохранить свою власть «закручивало гайки», создавало карцеры и штрафные роты. Вместе с тем предпринимались усилия для укрепления боеспособности и дисциплины в военных лагерях.

Противоречия военных и гражданских общественных организаций, связанные с материальным обеспечением для беженцев, зависимость субсидирования российской армии от держав Антанты, их постоянные предупреждения о скором прекращении финансирования вынуждали уезжать из Турции. Многим предостоял путь в Европу.

Российские военные диаспоры, так же как и казацки поселения, были различны по своей численности, уровню жизни, интегрированности в общественно-политическую жизнь страны проживания, по сопричастности с социально другой массой эмиграции. Значительные военные диаспоры находились в Югославии, Болгарии, Франции.

Изгнание интеллигенции

В августе 1922 г. из России была выслана большая группа интеллигенции. Эта мера заранее планировалась. Ещё в мае 1922 г. В. И. Ленин поручил собрать сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей, которые рассматривались как «явные контрреволюционеры», «пособники Антанты» и «военные шпионы». 31 августа 1922 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Первое предостережение», в которой говорилось, что важнейшей цитаделью антисоветской деятельности была высшая школа и «политиканствующие учёные — профессора на каждом шагу оказывали упорное сопротивление советской власти, приступившей к реформированию высшего образования», что «высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предостережением советской власти по отношению к этим слоям».

Л. Б. Троцкий в интервью американской журналистке Луизе Брайант, разъясняя причины высылки, говорил, что высылаемые элементы сами по себе политически ничтожны, но являются потенциальным оружием в руках возможных врагов, что они могут оказаться военно-политическими агентами врага и их необходимо будет расстреливать. Высылку Троцкий называл «предусмотрительной гуманностью». XII конференция РКП(б) (август 1922 г.) утвердила эту карательную меру. В резолюции конференции говорилось, что нельзя отказываться от репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению «к политиканствующим верхушкам мнимо беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции».

Среди высланных далеко не все занимали активную политическую позицию, многие были настроены лояльно к советской власти, мирились с реальностью. Численность высланных точно не установлена. По имеющимся данным, их насчитывалось от 160 до 200 тысяч человек.

В газетных сообщениях и документах Главного политического управления (ГПУ) утверждалось, что «среди высылаемых почти нет крупных научных имён». Однако простой перечень фамилий учёных свидетельствует об обратном.

Были высланы ректор Московского университета профессор М. М. Новиков (зоолог), ректор Петербургского университета профессор Л. П. Карсавин (философ), декан математического факультета Московского университета профессор В. В. Стратонов с группой математиков. Высланные из России философы Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев, Ф. А. Степун, И. И. Лапшин, И. А. Ильин и др. были мыслителями мирового масштаба. Среди высланных — экономисты Б. Д. Бруцкус, В. В. Зворыкин, Ю. И. Лодыженский, С. Н. Прокопович, агрономы А. И. Угримов, кооператоры А. А. Булатов, В. М. Кудрявцев, историки А. А. Кизеветтер, А. Ф. Флоровский, В. А. Мякотин, публицисты и писатели А. С. Изюмов, Ю. И. Айхенвальд, М. А. Осоргин и др.

Этот далеко не полный список весьма красноречив. В истории человечества не было случая изгнания из своей страны столь значительной группы интеллектуалов, если учесть, что Россия в то время не отличалась высоким уровнем грамотности населения. В этой связи примечателен ответ М. А. Осоргина на один из вопросов анкеты, заполняемой высылаемыми: «Как вы относитесь к советской власти?» Он ответил: «С удивлением».

Мероприятия «высылки за границу» проводились по всей стране: в Москве, Петрограде, Киеве, Одессе, Казани и других городах. Предназначенных к высылке по заранее составленным ГПУ спискам арестовывали и препровождали в тюрьмы, где они находились неустановленное время (иногда до двух месяцев). Они должны были подписать обязательство, в котором указывалось, что в случае возвращения в РСФСР высылаемый будет расстрелян. Закон предусматривал высылку на три года, но высылаемым было разъяснено: «Навсегда».

Осенью 1922 г. два немецких парохода «Обербургомистр Хакен» и «Прейссен» привезли в Германию, в Штеттин, по словам Осоргина, «единственный товар, который нынешнее русское правительство поставляет Европе обильно и бесплатно: хранителей культурных заветов России».

Из Германии многие разъехались в Чехословакию, Францию, Югославию, Болгарию и другие страны.

Центры эмиграции

Центры русской эмиграции возникли в Париже, Берлине, Праге, Белграде, Софии. К ним примыкали и «малые» русские колонии, находившиеся в других городах Франции, Германии, Чехословакии, Югославии, Болгарии.

Однако существование устойчивых эмигрантских центров в Европе не остановило дальнейшей миграции русских. Поиски более благоприятных условий работы и бытовой благоустроенности заставляли многих из них переезжать из страны в страну. Поток миграции усиливался из-за экономических трудностей и надвигающейся нацистской опасности. Многие русские эмигранты со временем оказались в США, Аргентине, Бразилии, Австралии и других странах. Но это происходило в основном в 1930-е гг.

В 1920-е гг. европейские эмигрантские центры, как правило, находились на пике своей деятельности. Активно работали Лига Наций, Международ-

ный Красный Крест, Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, Международное бюро труда, способствовавшие устройству и адаптации эмигрантов. Но как бы ни была успешна эта деятельность, решить многие проблемы эмигрантов было невозможно. Бытовые и материальные трудности усугублялись тоской по России.

В идейной жизни эмигрантов не было единства, её раздирали политические распри: монархисты, либералы, эсеры и другие политические партии оживили свою деятельность. Возникли новые течения: евразийство (об особом пути развития России с преобладанием восточных элементов); сменовеховство, движение малороссов, где ставились вопросы возможного примирения с советской властью.

Спорными являлись вопросы о путях освобождения России от большевистского режима (с помощью иностранной интервенции или путём внутренней эволюции советской власти), об условиях и способах возвращения в Россию, о допустимости контактов с ней, об отношении советской власти к потенциальным возвращенцам и т. д.

Историк А. А. Кизеветтер писал, что эмигранты жили в трудностях и печали, но были благодарны странам, приютившим их, вдвойне: за приют и возможность жить после большевистского гнёта в свободных странах.

Франция

Париж по традиции являлся мировым центром культуры и искусства. Художники, писатели, поэты, адвокаты и музыканты из России в основном обосновались в Париже. Это не означало, однако, что во Францию не эмигрировали представители других сфер деятельности. Военные, политики, чиновники, промышленники численно превосходили творческую интеллигенцию.

Франция была открыта для русских эмигрантов. Она стала единственной страной, признавшей Правительство Юга России при П. Н. Врангеле (июль 1920 г.) и взявшей под защиту русских беженцев. Стремлению русских обосноваться во Франции способствовали и экономические причины. Людские потери во время Первой мировой войны были значительны: по разным данным, от 1,5 до 2,5 млн человек. В 1922 г. в связи с нехваткой рабочих в сельских и промышленных районах французское правительство разрешило въезд русских эмигрантов из Болгарии, Сербии, Чехословакии и других стран. К концу 1925 г. количество эмигрантов из России увеличилось до 450 тысяч человек. Но эти данные были неполными.

Отношение к русской эмиграции во французском обществе не было однозначным. Католические и протестантские, особенно богатые, слои французского населения сочувственно относились к изгнанникам из большевистской России по политическим мотивам. Правые круги французского общества приветствовали появление во Франции главным образом представителей аристократического дворянства и офицерского корпуса. Левые партии и сочувствующие им осторожно и избирательно воспринимали россиян, отдавая предпочтение либерально и демократически настроенным выходцам из России.

По данным Красного Креста, до Второй мировой войны во Франции проживало 175 тысяч русских.

География расселения русских эмигрантов во Франции была достаточно широка. В департаменте Сены во главе с Парижем в 1920—1930-е гг. проживало около 60 % общего числа эмигрантов из России. Большое количество выходцев из России проживало ещё в четырёх департаментах Франции —

Мозель, Буш-дю-Рон, Альп-Маритим, Сены и Уазы. В пяти названных департаментах было сосредоточено более 80 % русских эмигрантов.

В департаменте Сены-Уазы, расположенном недалеко от Парижа, и в департаменте Буш-дю-Рон с центром в Марселе была сосредоточена значительная часть русской эмиграции из Константинополя и Галлиполи, среди которой были военные, казаки, мирные беженцы. В рабочих руках особенно нуждался промышленный департамент Мозель. Особое положение занимал департамент Альп-Маритим, ещё до революции заселённый русской аристократией. Здесь были построены особняки, церкви, концертный зал, библиотека. В 1920—1930-е гг. состоятельные жители этого департамента занимались благотворительной деятельностью среди своих соотечественников.

В этих департаментах возникли своеобразные очаги русской культуры, сохранявшие свои традиции и стереотипы поведения. Этому способствовало строительство православных церквей. Ещё в царствование Александра II в 1861 г. в Париже на улице Дарю был возведён первый православный храм Святого Александра Невского, построенный в стиле русско-византийского зодчества. В 1920-е гг. количество православных церквей во Франции возросло до 30. Мать Мария (Скобцова), впоследствии мученически погибшая в гитлеровском концлагере, основала в 1920-е гг. общество «Православное дело».

Национальные и конфессиональные особенности русских эмигрантов определяли их известную этническую целостность, замкнутость и неоднозначное отношение к западной ментальности.

Организацией работы по трудоустройству эмигрантов, обеспечению их жильём и материальными средствами ведал Земско-городской союз. Его возглавляли бывший председатель первого созыва Временного правительства князь Г. Е. Львов, бывшие министры Временного правительства А. И. Коновалов, Н. Д. Авксентьев, бывший городской голова Москвы В. В. Руднев, ростовский адвокат В. Ф. Зеелер и др. «Комитет по делам русских беженцев» возглавлял бывший посол Временного правительства во Франции В. А. Маклаков. На этом посту он проработал с 1925 г. до занятия немцами Парижа, когда был арестован гестапо и три месяца просидел в тюрьме. Во время войны Маклаков сохранял своё влияние как защитник эмигрантов, противник гитлеровского режима и сторонник патриотического отношения к Советской России.

Большую благотворительную помощь эмигрантам оказывал созданный в Париже Красный Крест, имевший свою бесплатную амбулаторию, а также «Союз русских сестёр милосердия».

В Париже в 1922 г. был создан объединительный орган — Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за рубежом. В него вошли Русский академический союз, Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, Российское общество Красного Креста, Российский торгово-промышленный союз и др. Эта централизация должна была обеспечить целенаправленный образовательный процесс во всей российской диаспоре в духе сохранения российских традиций, вероисповедания и культуры. В 1920-е гг. эмигранты готовили кадры для будущей, освобождённой от советской власти России, куда они надеялись в скором времени вернуться.

Как и в других центрах эмиграции, во Франции были открыты школы, гимназия. Русские эмигранты имели возможность обучаться в высших учебных заведениях Франции.

Наиболее многочисленной из русских организаций в Париже был «Русский общевоинский союз» (РОВС), основанный П. Н. Врангелем. РОВС объединял все военные силы эмиграции, организовывал военное образование и имел свои филиалы во многих странах.

Наиболее значительным из военных учебных заведений Парижа признавались Высшие военно-научные курсы, выполнявшие роль военной академии. Цель курсов, по словам их основателя генерал-лейтенанта Н. Н. Головина, состояла в «создании необходимого звена, которое свяжет прежнюю русскую военную науку с военной наукой возрождённой России». Авторитет Н. Н. Головина как военного специалиста был необычайно высок в международных военных кругах. Для чтения лекций его приглашали в военные академии США, Великобритании, Франции. Он состоял ассоциированным членом Международного института социологии в Париже, преподавал в Сорбонне.

Военно-патриотическое и патриотическое образование осуществлялось и в скаутском, сокольском движении, центр которого также находился в Париже. Активно действовали «Национальная организация русских скаутов» во главе с основателем скаутизма в России О. И. Пантюховым, «Национальная организация русских витязей», «Казачий союз», «Русские соколы» и др.

Возникло большое количество землячеств (петербургское, московское, харьковское и др.), объединения лицейстов, полковых военных, казачьих станиц (кубанцев, терцев, донцов).

Многочисленным (1200 человек) был «Союз русских шофёров». Жизнь парижского шофёра талантливо отражена в романе Гайто Газданова «Ночные дороги». Прежде чем стать писателем, Газданов работал портовым грузчиком, мойщиком паровозов, рабочим на авторемонтном заводе, ночным таксистом. Подобная судьба была характерна для многих эмигрантов из разных социальных слоёв. Таксистами в Париже работали бывшие князья, генералы, офицеры, адвокаты, инженеры, купцы, писатели из России.

В Париже действовали «Союз русских художников», «Союз русских адвокатов», членами которого были известные петербургские, московские, киевские присяжные поверенные Н. В. Тесленко, О. С. Трахтерев, Б. А. Кистяковский, В. Н. Новиков и др.; «Союз бывших деятелей русского судебного ведомства» (Н. С. Таганцев, Е. М. Киселевский, П. А. Старицкий и др.).

В 1924 г. был основан «Российский торгово-промышленный финансовый союз», в котором участвовали Н. Х. Денисов, С. Г. Лианозов, Г. Л. Нобель. Во Франции работала «Федерация русских инженеров за границей», в которую входили П. Н. Финисов, В. П. Аршаулов, В. А. Кравцов и др.; «Общество русских химиков» во главе с А. А. Титовым.

«Объединение русских врачей за границей» (И. П. Алексинский, В. Л. Яковлев, А. О. Маршак) организовало в Париже «Русский госпиталь» во главе с известным московским врачом профессором В. Н. Сиротининым.

Описание Парижа как центра русской эмиграции было бы неполным без характеристики российской прессы. С начала 1920-х гг. в Париже выходили две крупные ежедневные русские газеты — «Последние новости» и «Возрождение». Главная роль в формировании знаний о России и её истории принадлежала «Последним новостям». Влияние газеты на складывание общественного мнения о России было определяющим. Так, заведующий иностранным отделом газеты М. Ю. Бенедиктов в 1930 г. писал: «...никто (коммунисты, конечно, не в счёт) более не отождествляет большевиков с русским народом,

никто не говорит об интервенции; никто не верит в социализм сталинских экспериментов; никого больше не вводит в заблуждение революционная фразеология коммунизма». Эта эволюция общественного мнения связывалась с ролью в газете её редактора, бывшего министра иностранных дел Временного правительства, бессменного лидера кадетской партии в России и историка П. Н. Милюкова. Характерно, что французы помогали «Последним новостям» финансами, наборной техникой, типографскими станками. Информацией «Последних новостей» пользовались многие иностранные газеты, некоторые из них завели своих «русских сотрудников», которые имели постоянный контакт с редакцией газеты.

Германия

Российская диаспора в Германии имела свой облик и отличалась от других эмигрантских колоний. Русские эмигранты в Германии обосновались в разных городах: в Берлине, Мюнхене, Гамбурге, Лейпциге, Дрездене, Франкфурте, Штутгарте, Гейдельберге. Но самая значительная часть эмиграции была сосредоточена в Берлине. Известный писатель-эмигрант, автор «Ледяного похода» и великолепного памятника русской культуры, трилогии «Я унёс Россию» Р. Гуль писал: «Берлин вспыхнул и быстро угас. Его активная эмигрантская жизнь продолжалась недолго, но ярко... К концу 20-х Берлин перестал быть столицей русского зарубежья».

Становлению российской диаспоры в Берлине в начале 1920-х гг. способствовали как экономические, так и политические причины. С одной стороны, относительное экономическое благополучие создавало условия для предпринимательства, с другой — установление дипломатических отношений между Германией и Советской Россией (Рапалло, 1922 г.) стимулировало их экономические и культурные связи. Создавалась возможность взаимодействия эмигрантской и Советской России.

Берлин в силу указанных причин являлся не только пристанищем эмигрантов, но и точкой соприкосновения с Советской Россией. У советских граждан появилась возможность с советским паспортом и визой ездить в Берлин в командировки. Приехавшие из Советской России то и дело сталкивались на улицах Берлина с эмигрантами и даже сживали с ними в русских ресторанах. Русских в Берлине было так много, что издательство Гржебина выпустило русский путеводитель по Берлину.

Известный писатель Андрей Белый, нашедший себе в начале 1920-х гг. приют в Берлине, вспоминал, что район Берлина Шарлоттенбург русские называли Петербург, а немцы — Шарлоттенград: «В этой части Берлина встречаются вам все, кого не встречали вы годами, не говоря о знакомых; здесь «некто» встречал всю Москву и весь Питер недавнего времени, русский Париж, Прагу, даже Софию, Белград... Здесь русский дух: здесь Русью пахнет!.. И изумляешься, изредка слыша немецкую речь: Как? Немцы? Что нужно им в «нашем» городе?» Число живших в Берлине в 1920-х гг. русских достигало 300 тысяч. Жизнь русской колонии сосредоточилась в западной части города. Здесь «царили» русские, здесь у них было 6 банков, 87 издательств, три ежедневные газеты, 20 книжных лавок».

Известный немецкий славист, автор и редактор книги «Русские в Берлине, 1918—1933 гг. Встреча культур» Фриц Мирау писал, что взаимоотношения

немцев и русских в Берлине были сложными, у русских с берлинцами было мало общего. Очевидно, русские не признавали рационалистического отношения к жизни, характерного для немецкой нации, а после 1923 г. многие из них уехали из Берлина.

Как и в других эмигрантских колониях, в Берлине были созданы многочисленные научные, профессиональные организации и союзы. Среди них «Союз русских журналистов и литераторов», «Общество русских врачей», «Общество русских инженеров», «Союз русской присяжной адвокатуры», «Союз русских переводчиков в Германии», «Русский общевойсковой союз», «Союз российских студентов в Германии», «Клуб писателей», «Дом искусств» и др.

Главное, что отличало Берлин от других европейских эмигрантских колоний, — его издательская деятельность. Выходившие в Берлине газеты «Руль» и «Накануне» играли в эмиграции большую роль. Их можно поставить в один ряд с парижскими «Последними новостями». Среди крупных издательств были «Слово», «Геликон», «Скифы», «Петрополис», «Медный всадник», «Эпоха». Многие издательства имели цель — не потерять связи с Россией.

Основатель журнала «Русская книга» (позднее — «Новая русская книга»), доктор международного права, профессор Петербургского университета А. С. Яценко писал: «По мере сил своих мы стремились создать... мост, соединяющий зарубежную и русскую печать». Эту же мысль проводил и журнал «Жизнь», издававшийся В. Б. Станкевичем, бывшим верховным комиссаром Ставки генерала Н. Н. Духонина. В журналах печатались и эмигранты, и советские писатели. Издательские связи с Советской Россией поддерживали многие издательства. Осуществлялся диалог двух культур.

Разумеется, тему сближения с Россией эмигранты воспринимали по-разному: одни с энтузиазмом, другие с осторожностью и недоверием. Вскоре, однако, стало очевидно, что идея единства русской культуры «поверх барьеров» была утопичной.

В Советской России утверждалась жёсткая цензурная политика, не допускавшая свободы слова и инакомыслия и, как стало очевидно позднее, по отношению к эмигрантам имевшая во многом провокационный характер. Со стороны советских издательских органов не выполнялись финансовые обязательства, принимались меры к разорению эмигрантских издателей. Финансовый крах потерпели издательства З. И. Гржебина, «Петрополис» и др.

Издательства, естественно, отражали политические взгляды их создателей. В Берлине имелись правые и левые издательства — монархические, эсеровские, социал-демократические и т. д. Так, издательство «Медный всадник» отдавало предпочтение публикациям монархического толка. При посредничестве герцога Г. Н. Лейхтенбергского, князя Ливена и Врангеля оно выпустило сборники «Белое дело», «Записки» Врангеля и т. д.

Однако профессиональная работа издательств выходила за рамки политических симпатий и пристрастий их основателей. В большом количестве публиковалась художественная литература, русская классика, мемуары, детские книги, учебники, труды эмигрантов — первое собрание сочинений И. А. Бунина, произведения З. Н. Гиппиус, В. Ф. Ходасевича, Н. А. Бердяева.

Техника книжного дела находилась на высоком уровне. Мастера книжной графики М. В. Добужинский, Л. М. Лисицкий, В. Н. Масютин, А. Э. Коган активно трудились в издательствах Берлина. По признанию современников, немецкие типографы высоко оценивали профессионализм своих русских кол-

лег. Особое восхищение вызывали 14 номеров литературно-художественного журнала «Жар-Птица», выпускавшиеся А. Э. Коганом. Лучшие немецкие издательства, по свидетельству современников, учились у него, как надо печатать, оформлять и издавать книги.

Иногда русские издательства предвзяли профессиональные начинания своих зарубежных коллег. Например, З. И. Гржебин на выставке 1923 г., кроме классической литературы и учебников, представил атласы, глобус и другие учебные пособия. Французское издательство «Фернан Натан» начало специализироваться на учебных пособиях значительно позднее.

Книжный ренессанс в Берлине длился недолго. В конце 1923 г. в Германии была введена твёрдая валюта, издательства начали испытывать серьёзные финансовые трудности, многие прекратили свою деятельность.

В это время бóльшая часть эмигрантов стала покидать Берлин, начался, по выражению Р. Гуля, «исход русской интеллигенции... Берлин в конце 20-х — в смысле русскости — совершенно оскудел».

Чехословакия

В Чехословакии русская эмигрантская колония находилась в наиболее благоприятных условиях, получая заботу и поддержку государственной власти.

Окончание Первой мировой войны ознаменовало новый этап в общественно-политической жизни Чехословакии. В ходе распада Австро-Венгрии возникла Чехословацкая Республика. Первый президент страны Т. Масарик формирова́л новое отношение Чехословакии к славянской проблеме и роли в ней России. Панславизм и русофильство как идеологическое обоснование политической жизни утрачивали своё значение. Масарик отрицал теократизм, монархизм и милитаризм как в Чехословакии, так и в России; он отвергал монархические, феодальные и клерикальные основы старой славянской общности под скипетром царской России.

Новое понимание основ славянской культуры Масарик связывал с созданием общеευропейской культуры, способной подняться над национальной ограниченностью до общечеловеческого уровня и не претендующей на расовую избранность и мировое господство. По словам Милюкова, Масарик «снял с России романтическое освещение старых панславистов и взглянул на русское настоящее и прошлое глазами европейца и демократа». Этот взгляд на Россию как на европейскую страну, отличающуюся от других европейских стран лишь уровнем развития, «разницей исторического возраста», был близок представителям российских либерально-демократических сил. Русским единомышленником Масарика являлся П. Н. Милюков. В своих воспоминаниях Масарик причислял Милюкова к кругу «личных знакомых и друзей», оказавших ему содействие в «великом подвиге его жизни». В Чехословакии Милюкова считали первым из иностранных политических деятелей, который высказался за создание нового государства — Чехословакии; пресса писала, что его имя войдёт в историю страны и её освободительного движения. Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш признавал, что Милюков «знаменовал многое» не только для русской науки и политики, но и для Чехословакии и чехи «сердечно благодарны ему за отношение к Чехословакии».

Общая направленность политических взглядов деятелей чехословацкого освобождения и представителей русской либерально-демократической интел-

лигенции способствовала благосклонному отношению чехословацкого правительства к эмигрантам из большевистской России.

Т. Масарик критически относился к Советской России, но надеялся на создание в будущем сильной демократической федеративной России. Кроме того, Масарик, учитывая срединное геополитическое положение Чехословакии (нового государства на карте Европы Новейшего времени), осознавал, что его страна нуждается в гарантиях и с Востока, и с Запада. По его мнению, будущая демократическая Россия могла стать одним из таких гарантов. В силу этих причин проблема русской эмиграции становилась составной частью политической жизни Чехословацкой Республики.

В 1921 г. в Чехословакии разворачивалась так называемая «Русская акция» — программа помощи русским, изгнанным из своей страны: студентам, оказавшимся в эмиграции, была предоставлена возможность продолжить обучение; писатели, научные работники, деятели искусства получали место работы и безбедное существование. Материальная помощь оказывалась и представителям российской интеллигенции, обосновавшимся в других странах.

Масарик и министр иностранных дел Бенеш подчёркивали гуманитарный характер «Русской акции». Они надеялись, что помощь Чехословакии будет способствовать «обновлению народного хозяйства России и поднятию её культуры», когда русская эмиграция возвратится в свою страну, освобождённую от большевиков. Политика чехословацких властей способствовала тому, что Прага стала крупным культурным, научным и просветительским центром.

Основная масса эмигрантов осела в Праге и её окрестностях. Русские колонии возникли также в Брно, Братиславе, Пльзени, Ужгороде. К концу 1920-х гг., когда в Чехословакии начался экономический кризис и безработица, многие эмигранты были отправлены во Францию. По официальным данным, в 1931 г. в Чехословакии было зарегистрировано 22 тысячи русских эмигрантов.

«Русскую акцию» осуществляли многочисленные организации. Они были призваны обеспечить устройство, быт, правовой статус, профессиональную деятельность эмигрантов. Прежде всего это был пражский Земгор (Объединение земских и городских деятелей в Чехословакии). Целью создания этой организации было оказание всех видов помощи бывшим российским гражданам (материальной, юридической, медицинской и т. д.). После 1927 г. в связи с сокращением финансирования «Русской акции» возникла постоянно действующая структура — «Объединение русских эмигрантских организаций» (ОРЭО). Роль ОРЭО в качестве координирующего и объединяющего центра русской эмиграции усилилась в 1930-е гг. после ликвидации Земгора.

Земгор изучал численность, условия жизни эмигрантов, помогал в поисках работы, защите правовых интересов, оказывал медицинскую и материальную помощь. Им проводилась огромная культурно-просветительская работа с целью поддержания и сохранения связи русских эмигрантов с культурой, языком и традициями России. Одновременно ставилась задача повышения культурно-образовательного уровня беженцев. Организовывались лекции, доклады, экскурсии, выставки, библиотеки, читальни. Лекции охватывали широкий круг общественно-политических, исторических и литературно-художественных тем. Особый интерес вызывали доклады о современной России. Циклы лекций читались не только в Праге, но и в Брно, Ужгороде и других городах.

Важной для чешско-русского взаимодействия была организация Земгором семинара по изучению конституции, деятельности органов местного самоуправ-

ления, законодательства ЧСР. Земгором велась также работа по организации высшего образования для эмигрантов в Чехословакии.

В 1930-е гг. ОРЭО включало в свой состав большое число организаций: «Союз русских инженеров», «Союз врачей», «Педагогическое бюро русской молодёжи», различные профессиональные и студенческие объединения и т. д.

Для русских эмигрантов сельскохозяйственных профессий были созданы сельскохозяйственные школы, трудовые артели, ремесленные мастерские, кооперации, открывались общежития, столовые и т. д.

В Чехословакии были подготовлены многочисленные специалисты в различных областях сельского хозяйства и промышленности. Работали переплётные, сапожные, столярные, игрушечные мастерские в Праге, Брно, основанные эмигрантами из России. Популярность приобрели часовая магазин В. И. Маха, парфюмерные магазины, рестораны в Праге и др.

В первой половине 1920-х гг. Прага стала академическим центром. Её заслуженно называли «русским Оксфордом». Здесь функционировали Русский юридический институт, Русский педагогический институт имени Я. А. Коменского, готовивший учителей для будущей России; Русский народный (свободный) университет, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Коммерческо-бухгалтерские курсы, преобразованные в Институт коммерческих знаний, Русский научный институт, Русская академическая группа. В Праге жили и трудились известные русские учёные: Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, Г. В. Флоровский, Г. В. Вернадский, П. Б. Струве, В. В. Зеньковский, А. А. Кизеветтер, П. И. Новгородцев, Н. П. Кондаков, П. Н. Савицкий и др. Некоторые из них позднее переехали в другие страны.

Известный историк, профессор Московского университета А. А. Кизеветтер, изгнанный в 1922 г. из России и поселившийся в Праге, с огромной благодарностью писал о Масарике, его отношении к русским эмигрантам, о «гостеприимной Праге» и доброжелательности чехов.

Особое место в программе «Русской акции» занимал вопрос об устройстве детей в эмиграции. В Чехословакии работало «Общество попечения о русских детях». Его возглавляла А. В. Жекулина. В 1919 г. после смерти мужа и гибели сына, расстрелянного большевиками, Жекулина эмигрировала из Киева в Константинополь, где занялась созданием детских садов, начальных школ и гимназий. Одна из этих гимназий с 600 учащимися и учителями была затем переправлена в Чехословакию, в Моравску Тршебову, другая — в Болгарию. Поселившись в Праге, Жекулина организовала «Педагогическое бюро», курсы подготовки учителей, детские сады для детей эмигрантов. По её инициативе в 14 странах проводился «День русского ребёнка». Средства, полученные от этого мероприятия, направлялись на питание, лечение, устройство летних каникул для детей эмигрантов. Подобную работу проводили и «Временный главный комитет союза городов», «Союз русской молодёжи».

Эмигрантская колония в Чехословакии не без основания признавалась современниками одной из самых организованных и благоустроенных русских диаспор.

Югославия

Создание значительной русской диаспоры на территории югославского государства имело свои исторические корни. Пахомий Логофет, Юрий Крижанич, сторонник идеи славянского единства, генералы и офицеры русской

армии М. А. Милорадович, Й. Хорват и др. оставили по себе благодарную память. Россия помогала южным славянам в отстаивании их независимости.

Русским эмигрантам оказывал покровительство король Александр Карагеоргиевич, имевший родственные связи с императорской семьёй России. Его родные тётки по матери Милица и Анастасия (дочери короля Черногории Николы I) были замужем за великими князьями Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем. Сам Александр учился в России в Пажеском корпусе, затем в Императорском училище правоведения, хорошо знал русский язык, культуру и мог оценить интеллектуальный потенциал эмиграции. И. А. Ильин называл короля Александра «одним из замечательнейших государей истории».

Отношение к русской эмиграции было отчётливо выражено в выступлении председателя Совета министров Н. Пашича на заседании Скупщины 25 января 1922 г.:

«Мы, сербы, а также и другие наши братья, которых нам довелось освободить и объединить, мы все благодарны великому русскому народу, поспешившему нам на помощь от гибели, которой нам угрожала Австро-Венгрия, объявив войну. Если бы Россия не совершила этого, если бы не встала на нашу защиту, мы бы погибли... Мы сейчас приняли русских эмигрантов, и мы их принимаем без различия, к какой партии они принадлежат, мы в это не вмешиваемся. Мы только желаем, чтобы они остались у нас, мы их примем как своих братьев, и пусть они располагают свободой...»

Югославия нуждалась в научно-технических, медицинских и преподавательских кадрах. Для восстановления молодого югославского государства нужны были экономисты, агрономы, лесоводы, химики и военные для защиты границ. Социальный состав беженцев из России был различным: военные, казаки, осевшие в сельскохозяйственных районах.

По данным Министерства иностранных дел, в 1923 г. общая численность русских эмигрантов в Югославии составляла около 45 тысяч человек.

Три гавани Адриатического моря — Бакар, Дубровник и Котор — принимали беженцев из России. Перед расселением по стране их разделяли по специальностям и направляли в те районы страны, где в них нуждались.

В портах беженцам вручались «Временные удостоверения на право жительства в Королевстве СХС» и 400 динаров пособия на первый месяц; продовольственные комиссии выдавали паёк, который состоял из хлеба, горячей мясной пищи два раза в день и кипятка. Женщины и дети получали дополнительное питание, одежду и одеяла. Первое время все русские эмигранты получали пособие — 240 динаров в месяц (килограмм хлеба стоил 7 динаров).

Для оказания помощи эмигрантам была образована «Государственная комиссия по делам русских беженцев», в которую входили известные общественные и политические деятели Югославии и русские эмигранты: лидер сербской радикальной партии, министр вероисповедания Л. Йованович, академики А. Белич и С. Кукич, с русской стороны — профессора В. Д. Плетнёв, М. В. Челноков, С. Н. Палеолог, а также представители П. Н. Врангеля.

Государственной комиссии помогали «Правление государственных уполномоченных по размещению российских беженцев в Королевстве СХС», «Управление российского военного агентства в Королевстве СХС», «Собрание представителей эмигрантских организаций» и многие другие.

Создавались многочисленные гуманитарные, благотворительные, политические, общественные, профессиональные, студенческие, казачьи, литературные и художественные организации, общества и кружки.

Русские эмигранты расселялись по всей территории страны. В них нуждались восточные и южные районы, особенно пострадавшие во время Первой мировой войны, северо-восточные сельскохозяйственные области, входившие до 1918 г. в состав Австро-Венгерской монархии и теперь подверженные миграции (немцы, чехи, венгры уезжали из Королевства). Центральная часть государства — Босния и Сербия — испытывала большую нужду в рабочих руках на заводах и фабриках, на строительстве железных и шоссейных дорог.

Из военного контингента формировалась и пограничная служба: в 1921 г. в ней было занято 3800 человек.

На территории Королевства СХС возникло около трёхсот малых русских колоний: в Загребе, Новом Саде, Панчево, Земуне, Белой Церкви, Сараево, Мостаре, Нише и др.

В Белграде, по данным Государственного комитета Королевства СХС, находилось около 10 тысяч беженцев из России, многие из которых владели техническими и гуманитарными профессиями.

В этих колониях возникали русские церковные приходы, школы, детские сады, библиотеки, многочисленные военные и спортивные организации.

В городе Сремские Карловицы был расквартирован штаб главнокомандующего Русской армией во главе с генералом Врангелем. Здесь же находился Архидиоцезис Синод Русской православной зарубежной церкви во главе с митрополитом Антонием (Храповицким).

Военная эмиграция в Югославию являлась наиболее значительной по численности.

П. Н. Врангель своей главной задачей считал сохранение армии, но в новых формах. Это означало создание воинских союзов, сохранение штатов отдельных воинских соединений, готовых при благоприятной ситуации включиться в вооружённую борьбу с советской властью, а также поддержание связей со всеми военными в эмиграции.

С 1921 г. в Белграде действовал «Совет объединённых офицерских обществ в Королевстве СХС», целью которого являлось «служение восстановлению Российской империи». В 1923 г. в «Совет...» входило 16 офицерских обществ, в том числе «Общество русских офицеров», «Общество офицеров Генерального штаба», «Общество офицеров-артиллеристов», общества военных юристов, военных инженеров, морских офицеров и др. В целом они насчитывали 3580 человек. Создавались гвардейские военные организации, офицерские общества, различного рода военные курсы, предпринимались усилия по сохранению кадетских корпусов.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Первый русский кадетский корпус стал крупным военно-учебным заведением русского зарубежья. При нём был открыт военно-учебный музей, где хранились знамёна русской армии, вывезенные из России. Проводилась работа не только по материальному обеспечению военных, но и по повышению уровня их военно-теоретических знаний. Организовывались конкурсы на лучшие военно-теоретические исследования. Премиями были удостоены работы генерала Казановича («Эволюция пехоты по опыту Великой войны. Значение техники для неё»), полковника Плотни-

кова («Военная психология, значение её в Великую войну и в гражданскую») и др. В среде военных проводились лекции, доклады, беседы.

Интеллигенция в Югославии занимала второе место по числу эмигрантов после военных и внесла большой вклад в развитие различных областей науки и культуры.

В картотеке МИД Югославии в период между двумя войнами зарегистрировано 85 русских культурных, художественных, спортивных обществ и объединений. Среди них «Общество русских юристов», «Общество русских учёных», «Союз русских инженеров», «Союз русских агрономов», «Союз деятелей искусств», союзы врачей, ветеринаров, промышленных и финансовых деятелей и т. д.

Символом русской культурной традиции был Русский дом имени императора Николая II, открытие которого состоялось в апреле 1933 г. Замысел его строительства — сохранение национальной эмигрантской культуры, которая должна была вернуться в Россию. Русский дом стал памятником братства югославского и русского народов. Архитектором этого здания, построенного в стиле русского ампира, был В. Ф. Баумгартен. На открытии Русского дома А. Белич сказал, что он «...создан для всех многосторонних отраслей эмигрантской культурной жизни. Оказалось, что русские люди и вне своей родинной Родины могут ещё многое дать... мировой культуре».

В Русском доме разместились Государственная комиссия помощи русским беженцам, Русский научный институт, Русский военно-научный институт, Русская библиотека с архивом и издательской комиссией, Музей императора Николая II, Музей русской конницы, гимназии, спортивные организации.

Болгария

Болгария, как славянская страна, исторически связанная с Россией, радушно встретила российских эмигрантов. В Болгарии сохранилась память об участии России в войне 1877—1878 гг.

В Болгарии разместились в основном военные и часть представителей интеллигентских профессий. В 1922 г. в Болгарии находилось 34—35 тысяч эмигрантов из России, а в начале 1930-х гг. — около 20 тысяч. Для территориально небольшой Болгарии, понёсшей экономические и политические потери в Первой мировой войне, такое количество русских переселенцев было значительным. Часть армии и гражданские беженцы были размещены на севере Болгарии. Местное население, особенно в Бургасе и Плевне, где располагались части белой армии, даже выражало недовольство присутствием чужестранцев. Однако это не влияло на политику правительства.

Болгарское правительство оказывало медицинскую помощь российским эмигрантам: выделялись специальные места для больных беженцев в Софийской больнице и Гербовецком госпитале Красного Креста. Министерский совет Болгарии оказывал материальную помощь эмигрантам: выдавал каменный уголь, выделял кредиты, средства на обустройство русских детей, их семей и т. д. Согласно указам царя Бориса III разрешалось принимать эмигрантов на государственную службу.

Однако жизнь русских эмигрантов в Болгарии, особенно в начале 1920-х гг., была трудной. Ежемесячно эмигранты получали: рядовой армии — 50 болгарских левов, офицер — 80 (килограмм сливочного масла стоил 55 левов, пара мужских ботинок — 400 левов). Эмигранты работали в каменоломнях, шахтах, хлебопекарнях, на строительстве дорог, на фабриках и заводах, в

сельской местности на виноградниках. Причём за одинаковую работу болгары получали зарплату примерно в два раза бóльшую, чем эмигранты.

С целью помощи эмигрантам общественные организации («Научно-промышленное болгарское общество», «Русско-балканский комитет технических производств, транспорта и торговли») начали создавать доходные предприятия, магазины, коммерческие фирмы. Начавшееся предпринимательство привело к возникновению многочисленных артелей: «Дешёвая столовая для русских беженцев», «Русская национальная община» в Варне, «Пасека в районе города Плевна», «Первая артель русских сапожников», «Русская торговая артель», председателем которой был бывший член Государственной думы, генерал Н. Ф. Езерский. В Софии, Варне и Плевне открывались русские гимназии, детские сады, приюты; организовывались курсы по изучению русского языка, истории, географии России; создавались русские культурно-национальные центры (в Софии, Варне); работали совместные русско-болгарские организации, деятельность которых была направлена на оказание помощи русским эмигрантам.

Русские учёные в эмиграции

Преподаватели и учёные в эмиграции часто совмещали научную и педагогическую деятельность. Это происходило по традиции: в дореволюционной России научная работа преимущественно была сосредоточена в высших учебных заведениях. К тому же заниматься в эмиграции исключительно научной работой было сложно. Личные библиотеки и архивы были оставлены в России, бытовая неустроенность и моральная подавленность, часто сопутствовавшие изгнанникам из России, не всегда способствовали погружению в науку. А преподавание обеспечивало относительно стабильный заработок.

Политика стран, в которых разместились русские эмигранты, в области научно-преподавательской деятельности была благоприятной. Создание целой системы разнообразных учебных заведений в эмиграции было не случайным. Этим реализовывалось сразу несколько задач. Для зарубежных стран создавалась возможность взаимодействия с русской наукой и культурой. Кроме того, формировалось новое поколение русских учёных, воспитанное в традициях свободной мысли и противостоявшее советскому режиму. Это же было чрезвычайно важным и для самих эмигрантов, многие из которых в скором времени надеялись возвратиться в Россию. Нельзя не учитывать и того, что высшие учебные и научные заведения обеспечивали работой большую часть эмигрантской интеллигенции.

В разных странах создавались специальные, иногда однотипные, учебные заведения для русских. Высшие учебные заведения Чехословакии, Франции, Югославии открывали отделения, предназначенные для обучения русских студентов. Русских учёных приглашали к сотрудничеству многие научные общества.

Большую роль в организации образовательного процесса среди русских эмигрантов сыграли Русские народные университеты, созданные в Праге, Париже, Софии. Эти учебные заведения строились по типу университета А. Л. Шанявского, организованного в России в 1905 г., где сочеталось высшее, среднее и начальное образование.

В университете было два отделения — академическое и научно-популярное. Научно-популярное отделение давало образование в объёме средней школы и готовило к переходу в академическое отделение, предназначенное для получения высшего образования.

В университетах действовали отделения общественных, историко-философских и естественных наук, прикладных знаний, курсы по изучению страны, где проживали эмигранты, проходили специальные занятия по иностранным языкам, стенографии, педагогике и т. д.

Общеобразовательный процесс осуществлялся в форме лекций, семинаров, лабораторных занятий, экскурсий, концертов-лекций по истории русской музыки.

В Праге при университете работали кружок по изучению Первой мировой войны, семинар «Новое в экономической жизни», кружок ревнителей русского слова. Для изучающих иностранные языки проводились практические занятия, работали летние языковые школы. Уделялось внимание и ликвидации неграмотности среди взрослых. Для них были открыты начальные школы в Праге, Кошице, Ужгороде. Был создан Русский культурно-исторический музей, занимавшийся собирательской деятельностью в среде эмигрантов и располагавшийся в Збраславе. Организаторами музея были М. М. Новиков и бывший литературный секретарь Л. Н. Толстого, директор Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве В. Ф. Булгаков. Главная задача музея состояла в сборе материала для «Биографического словаря деятелей русской культуры», оказавшихся за рубежом. В музее существовало несколько отделений: художественное, архитектурное, театральное, истории эмиграции и др. Здесь находились и картины А. Н. Бенуа, И. Е. Репина, Н. К. Рериха, И. Я. Билибина, К. А. Коровина и др. В будущем коллекции музея как национальное достояние предполагалось передать России.

В парижском университете читались не только отдельные лекции, но и циклы лекций, что являлось его отличительной особенностью. Например, доцент бывшей Санкт-Петербургской духовной академии и министр исповеданий Временного правительства А. В. Карташёв прочитал два цикла лекций (по 12 лекций в каждом): «Религиозно-философское движение в России в начале XX в.» и «Русская церковь в последние катастрофические годы».

Позже других, в 1928 г., был открыт Русский народный университет в Софии. Акценты его деятельности были несколько иными. Этот университет относили не к учебным, а к культурно-просветительским учреждениям. Задача университета, как писалось в официальном документе о его открытии, состояла «в заключении того поистине огромного провала, который образовался в душе и сознании молодого поколения русских вследствие отрыва от родины». В университете работали историк П. М. Бицилли, правоведа И. А. Базанов, П. М. Богаевский, физик К. И. Иванов, экономист С. С. Демосфенов. К чтению лекций в университете привлекались учёные из других стран.

В Праге, Берлине, Белграде были созданы учебно-исследовательские учреждения под однотипным названием «Русский научный институт». В Праге и Белграде эти институты материально поддерживали правительства, берлинский институт был организован на средства самих эмигрантов. Пражский институт многие годы возглавлял крупнейший русский славист первой половины XX в. В. А. Францев, приглашённый для работы чешскими учёными

И. Поливкой и И. Махала. В 1927 г. Францев принял чешское гражданство. Он стал членом Чешской академии наук и искусств, профессором славянской филологии Карлова университета.

Русский институт в Белграде имел пять отделений: философии, социальных и исторических наук, языка и литературы, естественных и математико-технических наук. Позднее было открыто отделение военных наук. Этот институт считался своего рода российской академией за рубежом. Перед институтом были поставлены задачи развития науки при сохранении традиций русской научной школы, всестороннего изучения российской истории, юриспруденции, экономики, естественных и общественных наук. Председателями института поочередно состояли бывший ректор Киевского университета правовед Е. В. Спекторский, в 1931 г. перешедший в Люблянский университет, историк права Ф. В. Тарановский, профессора А. П. Доброклонский и А. И. Игнатовский. В работе института принимали участие как русские, так и югославские учёные. Здесь трудились математики (Ан. Д. Билимович, Н. Н. Салтыков), механики и машиностроители (В. С. Жардецкий, Я. М. Хлытчив, В. В. Фармаковский, Г. Н. Пио-Ульский), медики (В. С. Новиков, С. К. Софотеров), экономист (Ал. Д. Билимович), историки и юристы (А. П. Доброклонский, М. П. Чубинский, В. А. Мошин), филологи и литературоведы (С. М. Кульбакин, Е. В. Аничков) и др. Для чтения лекций в Белград приезжали учёные из Праги, Парижа, Берлина.

Русский научный институт в Берлине имел три отделения: духовной культуры, экономическое и правовое. Общее число слушателей при поступлении составляло более 600 человек. Ректором института был выбран В. И. Ясинский, проректором — С. Л. Франк, учёным секретарём — С. И. Гессен.

При институте работал кабинет по изучению современной русской культуры, который занимался собиранием и хранением исторических документов по истории России. Заведующим кабинетом был С. П. Мельгунов. Кабинет проводил доклады, научные заседания. Из Праги приезжали А. А. Кизеветтер, С. Н. Прокопович, И. А. Ильин. В состав учёного совета входили Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев (философы), И. А. Ильин (философ и правовед), М. В. Бернацкий, С. Н. Прокопович (экономисты), А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин, И. А. Стратонов (историки), М. А. Таубе, А. А. Боголепов (юристы) и др. В основном в этом институте преподавали учёные, высланные из Советской России и прибывшие в Германию на «философских пароходах». Многие из них осели в Берлине.

Научная жизнь эмиграции была достаточно активной и сопровождалась изданием научных трудов как в эмигрантских, так и в зарубежных изданиях.

Русский научный институт в Белграде издал 17 томов «Записок», где публиковались труды по математике, физике, медицине, истории, литературе, механике, экологии, праву и т. д.

Большую научную ценность и по сей день представляет изданный в Белграде двухтомный труд «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом».

В Праге издавались научные труды Русского научного института, Русского народного университета, русских академических организаций за границей, в Париже — труды Пастеровского института и т. д.

Важным аспектом, знаменующим новое явление в жизни интернациональной интеллигенции, было издание совместных научных трудов как европейских, так и эмигрантских учёных.

Ярким примером научно-культурного диалога являлось издание «Истории России» в 3 томах на французском языке. Во главе этого издания стояли П. Н. Милоков и профессора Парижского университета Ш. Сеньобос и Л. Эйзенманн. В этом труде участвовали с русской стороны профессора А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин, П. П. Гронский и др., с французской — кроме указанных редакторов, профессор университета в Бордо С. Долмедиа, а также известный чешский учёный, почётный член Петербургской, Белградской, Софийской и других академий Л. Нидерле.

В предисловии к изданию Ш. Сеньобос писал, что прославленные русские учёные, особенно уважаемый во всём мире П. Н. Милоков, принесут этим изданием большую пользу французскому читателю, плохо знакомому с историей России. Он подчёркивал, что создание подобного труда — не только подспорье французскому лектору, читающему курс истории России, но и выражение собственного европейской науке взгляда на Россию как на европейскую страну.

Примером плодотворного научного сотрудничества являлся также выход в свет работы «Местное самоуправление», напечатанной в выпусках «Трудов общества для изучения городского самоуправления в Чехословацкой республике». Членами этого общества и авторами статей о городском хозяйстве и бюджете чешских городов, о местном самоуправлении Чехословакии и России, Германии, Подкарпатской Руси выступали русские учёные и общественные деятели, до эмиграции занимавшиеся этими проблемами. В предисловии к книге было сказано, что её авторы, стремясь осмыслить в мировом масштабе опыт городского управления и хозяйства, ставили перед собой цель усовершенствовать управленческое устройство гостеприимной Чехословакии.

Европейские университеты и многие другие учебные заведения создали уникальные возможности для учёбы и работы русских эмигрантов. Следует отметить и особую поощрительную политику властей, особенно Чехословакии, Франции, Югославии (до середины 1920-х гг.), по отношению к студентам из среды эмигрантов: выдачу стипендий, пособий, правовое, медицинское обеспечение и т. д.

В университетах Белграда, Загреба, Скопле преподавало 69 русских профессоров. Сохранились данные о количестве русских преподавателей в Белградском университете. В 1922—1929 гг. на философском, юридическом и богословском факультетах числилось в разные годы от 8 до 11 преподавателей, на техническом факультете — 13, на сельскохозяйственном — 6. Примечательно, что 11 русских учёных Белградского университета были удостоены звания членов-корреспондентов или действительных членов Сербской академии наук. Среди них Ан. Д. Билимович (теоретическая и прикладная механика), В. В. Фармаковский (термодинамика двигателей), Г. А. Острогорский (византология), Ф. В. Тарановский (историческое право) и др.

В Карлова университет в Праге для чтения лекций были приглашены М. М. Новиков (зоолог), Н. П. Кондаков (археолог, историк, искусствовед), Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев (философы), А. А. Кизеветтер (историк).

В рамках Карлова университета 18 мая 1922 г. состоялось открытие Русского юридического факультета. Его основателями были правовед, до эмиграции профессор Московского университета и директор Коммерческого ин-

ститута П. Н. Новгородцев (первый декан факультета) и бывший профессор того же института юрист Н. Н. Алексеев. Здесь преподавали П. Б. Струве, Н. О. Лосский, Е. В. Спекторский, Г. В. Вернадский и др. Студентов на Русский юридический факультет приглашали, затем среди них проводили отбор; к 1924 г. их число составляло около 500 человек.

Однако деятельность этого учебного заведения вскоре была прекращена: не хватало материальных средств. Кроме того, вокруг факультета шли острые политические дискуссии: среди обучавшихся были белогвардейцы, что вызывало протесты некоторых чехов, выступавших в печати против «подкармливания белогвардейцев».

Софийский университет, как и другие университеты на территориях, где располагалась российская диаспора, открыл свои двери для русских эмигрантов. Бывшие профессора Харьковского, Киевского, Новороссийского университетов образовали костяк медицинского факультета университета. В нём трудились физиолог А. М. Черевков, бактериолог и патолог С. С. Абрамов, акушер-гинеколог Г. Е. Рейн и др.

По признанию болгарских коллег, учебники по биохимии профессора В. В. Завьялова и учебники по нервным болезням профессора А. Э. Янишевского, изданные на болгарском языке, внесли большой вклад в развитие медицины в Болгарии.

В области гуманитарных наук среди русских эмигрантов в Болгарии особое место занимал М. Г. Попруженко, крупный специалист по истории и культуре славян, болгарского национального возрождения и государственности XIX в. Он создал ряд статей по истории «славянской взаимности» в XX в., активно занимался популяризацией русской классической литературы, публиковал статьи о Пушкине, Достоевском, Майкове, Л. Толстом. М. Г. Попруженко прожил в Болгарии четверть века, преподавал в Софийском университете, в 1941 г. был избран действительным членом Болгарской академии наук. В 1938 г. Софийский университет торжественно отмечал 50-летие научной деятельности М. Г. Попруженко, удостоив его звания почётного доктора Софийского университета. Подобные мероприятия, относившиеся к деятельности учёного-эмигранта, были не частым явлением. Эмигрант-литературовед, живший в Чехословакии, отозвался на этот юбилей словами: «В наше время признание заслуг русского учёного, за которым ничего не стоит кроме его научной деятельности, явление столь редкое, что невольно хочется на него откликнуться».

В 1919 г. в Париже был создан Институт славянских исследований, целью которого было изучение славянской проблематики и укрепление научных связей славянских и французских учёных.

В Сорбонне для русских студентов были открыты три факультета — юридический, историко-филологический и физико-математический. Преподавание в них вели как французские, так и русские профессора.

На юридическом факультете преподавали В. Д. Кузьмин-Караваев (русское уголовное право), приват-доцент А. М. Михельсон (русское финансовое право), Б. Э. Нольде (введение в русское публичное право), приват-доцент М. В. Вишняк (эволюция русского публичного права в XX в.), профессор П. П. Гронский (история русского права), профессор Д. М. Одинец (история русского древнего права), профессор А. М. Кулишер и приват-доцент Б. С. Миркин-Гецевич (государственный строй Советской России).

На физико-математическом факультете общий курс по зоологии читал профессор К. Н. Давыдов, по биологии — профессор С. И. Метальников, по химии — приват-доцент А. А. Титов, по геохимии — академик В. И. Вернадский, физиологии — приват-доцент Л. И. Кепинов, по дифференциальному и интегральному исчислению — профессор С. Е. Савич.

На историко-филологическом факультете читали лекции Л. И. Шестов (о Паскале, Достоевском, Л. Толстом), А. В. Койре на французском языке о Вл. Соловьёве и его современниках, М. Л. Гофман о Пушкине и его времени. С. П. Ремизова-Довгелло, до эмиграции профессор Императорского Санкт-Петербургского археологического института, читала курс по русской палеографии. Большой популярностью пользовались лекции профессоров бывшей Академии Генерального штаба А. А. Гулевича и Н. Н. Головина по истории русской армии и её боевых действиях. Большое число слушателей стекалось на лекции по русской литературе, которые читали известные писатели и поэты — А. И. Куприн («Последние дни Пушкина»), И. С. Шмелёв и А. М. Ремизов. Лекции К. Д. Бальмонта «Любовь и смерть в мировой поэзии», «Образ женщины в поэзии и в жизни», читавшиеся на французском языке, вызвали, по словам современника, «особую экспрессию» у французских слушателей. Лекции по истории и политическому положению современной России были прочитаны П. Н. Милюковым.

Сотрудничество русских и французских учёных было весьма плодотворным. Так, у П. Н. Милюкова были давние научные связи с профессором Сорбонны П. Буайе. Они подружился ещё в 1893 г., когда французский славист приехал в Россию учить русский язык. Позже он возглавил кафедру славянских языков в Парижском университете. В эмиграции их сотрудничество продолжилось.

Вместе с П. Буайе Милюков провёл в Сорбонне торжественное заседание, посвящённое юбилею А. С. Пушкина. На нём председательствовали П. Буайе и Милюков, выступали литераторы и политические деятели М. А. Алданов, Н. В. Чайковский, В. А. Маклаков, А. М. Ремизов и др. В Сорбонне отмечались и другие памятные даты. К 250-летию со дня рождения Петра I доклад сделал П. Н. Милюков. Профессор Сорбонны по кафедре истории и цивилизации славян, генеральный директор Института славяноведения профессор Л. Эйзенманн и П. Н. Милюков читали лекции о России и Петре I.

В декабре 1925 г. в Сорбонне отмечался 200-летний юбилей восстания декабристов, на котором выступали известные французские учёные А. Олар, Э. Мелье, из русских — М. А. Алданов, П. Н. Милюков и В. А. Мясотин.

26 марта 1926 г. в Сорбонне происходило собрание, посвящённое открытию Франко-русского института. Этот институт, как высшая школа социальных и политических наук, призван был продолжать традиции Русской высшей школы общественных наук, организованной в 1901 г. М. М. Ковалевским, Е. В. де-Роберти и Ю. С. Гамбаровым.

В правление Франко-русского института входили с французской стороны известный социолог Г. Жез (председатель), П. Лапи (ректор Парижского университета), профессора Л. Эйзенманн, А. Олар, Э. Фурнель (вице-председатель Комиссии по организации русского образования во Франции), профессоры Сибир, Э. Ренан; с русской стороны — П. Н. Милюков (вице-председатель), П. П. Гронский, И. П. Ефремов, Г. Д. Гурвич, А. П. Марков и др.

На торжественном заседании А. Олар произнёс речь «О декларации прав человека и гражданина в различных конституциях». П. Н. Милюков сделал

доклад на тему «Россия и Европа», Л. Эйзенманн — «Франция и славянство», Г. Жез — «Методы социальных и политических наук». «Цель этого заседания, — писала газета «Последние новости», — состоит в том, чтобы усилить духовную связь между народами обеих стран».

Только за один семестр 1926 г. во Франко-русском институте русским студентам было прочитано 130 лекций. Особенно активным лектором был П. Н. Милюков. Темы его лекций: «Россия и славянство», «Россия и Европа», «Эмиграция и её задачи», «Демократия и социализм», «Либерализм и демократия» и др.

В рамках Сорбонны действовал и Антропологический институт, где также работали русские учёные.

Традиционным местом работы русских эмигрантов был Пастеровский институт в Париже. Институт был основан в 1888 г. на средства разных стран. Александр III внёс значительную сумму в его строительство, а также наградил Пастера орденом Анны I степени за лечение русских больных. Участие русского правительства в организации этого института диктовалось политическими мотивами, связанными со стремлением укрепить русско-французские отношения и тем самым сдержать германскую агрессию. Заключение в 1891 г. Франко-русского союза способствовало укреплению содружества русских и французских учёных.

Приглашённый Пастером в институт академик, лауреат Нобелевской премии И. И. Мечников создал в нём интернациональную школу в области иммунологии, инфекционной патологии и микробиологии. Один из директоров института Пастера Э. Ру обращался к И. И. Мечникову: «Пастер принял Вас с распростёртыми объятиями — ведь Вы принесли ему не более и не менее как доктрину иммунитета. Вы принесли ему престиж своего имени».

Ведущее место в этом институте занимал профессор С. Н. Виноградский. В окрестностях Парижа специально для него была построена агробактериологическая лаборатория, которой он руководил с 1922 г. Лабораторию физиологии и отделение по производству противозмеиных лечебных сывороток возглавлял Л. И. Кепинов, который в Париже несколько лет руководил академической русской группой.

В институте трудились русский цитолог, князь М. А. Волконский, профессор А. М. Безредка, специалист по местному иммунитету, который после смерти И. И. Мечникова продолжил научные разработки в лаборатории великого учёного.

С Пастеровским институтом было связано имя И. И. Манухина, известного в Петербурге иммунолога, радиобиолога и практикующего врача-терапевта. В числе его пациентов были вел. кн. Гавриил Константинович Романов, Д. Мережковский, М. Горький, с помощью которого И. И. Манухину удалось эмигрировать из России.

Трёх премий Парижской академии наук был удостоен С. И. Метальников, основоположник нового направления в иммунологии — психонейроиммунологии. Мировую известность получили работы П. Н. Грабара по биохимии и иммунологии. Пастеровский институт имел свои филиалы и отделения в других городах Франции (Страсбург) и французских колониях (Тунис, Индокитай), где также трудились учёные-эмигранты. В Сайгоне заведовал отделением по изготовлению вакцин для борьбы с заразными болезнями В. А. Юревич; в Тунисском Пастеровском институте над исследованием вак-

цины против чумы работал А. Т. Васильев; в Аннаме эмбриологией занимался биолог К. Н. Давыдов.

Огромную роль в распространении православной русской культуры сыграли основанные в эмиграции высшие религиозные учебные заведения. В 1922 г. в Берлине открылась «Русская религиозно-философская академия». На её открытии Н. А. Бердяев говорил о духовном возрождении России и роли в этом эмигрантской церкви. С Академией сотрудничали С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, Ф. А. Степун, И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев. Состав философов, читавших лекции в Берлине, определял уровень, мировой класс этих лекций и их большую популярность среди не только эмигрантов, но и немецкой интеллигенции. Приведём перечень тем этих лекций: «О внутренней жизни и историческом творчестве» (В. В. Зеньковский), «Нравственность и действительность» (С. Л. Франк), «Русское национальное самосознание, его кризис и основные задачи» (И. А. Ильин), «Проблемы философии истории» (Л. П. Карсавин), «Духи русской революции (Гоголь, Толстой, Достоевский в русской революции)» (Н. А. Бердяев) и др.

Богословский институт в Париже был создан по инициативе митрополита Евлогия, кн. Трубецкого и писателя М. А. Осоргина. На частные эмигрантские пожертвования было куплено владение на улице де Кримэ, где было основано Сергиевское подворье и Богословский институт. Церковь преподобного Сергия при подворье была расписана художником Д. С. Стеллецким в духе росписей XVI столетия, иконостас был создан в древнерусском стиле с длинными царскими вратами XIV в.

Для преподавания в Богословском институте были приглашены специалисты из разных стран. Из Чехословакии приехали отец Сергей Булгаков и Г. В. Флоровский, из Сербии епископ Кассиан (С. С. Безобразов) и будущий митрополит Вениамин (И. А. Федченков). Отец Сергей Булгаков возглавил кафедру догматического богословия, курс патрологии (раздел христианского богословия, посвящённый изучению биографий и произведений Отцов Церкви) читал Г. В. Флоровский, историю западных исповеданий — Г. П. Федотов; нравственное богословие — Б. П. Вышеславцев, литургику и философию — В. Н. Ильин. Ведущим преподавателем института являлся А. В. Карташёв.

Среди эмигрантских научных учреждений особая роль принадлежала Семинару (с 1930 г. — Институт имени Н. П. Кондакова). Семинар возник после смерти Н. П. Кондакова и работал с 1925 по 1945 г.

Н. П. Кондаков в разное время был профессором Петербургского и Новороссийского университетов, где читал лекции по истории русской иконы. В 1919 г., спасаясь от революционных беспорядков и осознавая неизбежность вторжения большевиков в Одессу, Н. П. Кондаков решил эмигрировать за границу. Французские моряки, расквартированные в Одессе, помогли ему организовать отъезд: они знали, что за научные заслуги Н. П. Кондаков был награждён орденом Почётного легиона Франции. В эмиграцию Н. П. Кондаков плыл в одной каюте с И. А. Буниным и его женой В. Н. Муромцевой. В 1920 г. он обосновался в Софии, где читал лекции по средневековому искусству и культуре Восточной Европы в университете. Но вскоре переехал в Прагу.

В проекте строительства русской церкви на Ольшанском кладбище, где была погребена большая часть российской эмиграции, принимал участие и Н. П. Кондаков. За научные заслуги в области искусствознания и культуры он был избран почётным президентом II Конгресса русских учёных за гра-

ницей, неоднократно награждался дипломами научных обществ и академий разных стран.

Н. П. Кондаков и его ученики обогатили отечественную и мировую науку разработкой проблем древнерусского, византийского и восточного искусства в сравнительно-историческом измерении.

В деятельности Института имени Н. П. Кондакова принимали участие А. П. Калитинский, Н. М. Беляев, Н. П. Толль, Д. А. Расовский, А. А. Васильев и др. Институт финансировался при посредничестве Т. Масарика, близко знавшего Н. П. Кондакова, который преподавал его дочери Алисе историю искусств.

Экономические трудности привели к закрытию Института, но осенью 1938 г. было открыто его отделение в Белграде, где финансовую сторону взял на себя Королевский совет. Директором возникшего Института стал Г. А. Острогорский, его сотрудниками — В. А. Мошин, Д. А. Расовский, А. В. Соловьёв.

В Белграде Институту помогал Йельский университет. На обращение учёных помочь материально «высоко значимому в научном отношении учреждению» также откликнулся С. В. Рахманинов и прислал значительную сумму денег.

Во время Второй мировой войны здание Института было разрушено, семья Расовских погибла во время бомбёжки. После освобождения Чехословакии от немецкой оккупации Институт был включён в Академию наук Чехословакии. Архив Института перешёл в распоряжение Института теории и истории искусств, библиотека стала достоянием чехословацких византистов, основная коллекция икон была передана чехословацким музеям, часть икон отправлена в Третьяковскую галерею.

Сохранению традиций русской экономической мысли и знакомству с социально-экономическими процессами в современной России была посвящена деятельность Экономического кабинета С. Н. Прокоповича. Бывший министр торговли и промышленности, министр продовольствия Временного правительства С. Н. Прокопович в 1921 г. выступил одним из организаторов Всероссийского комитета помощи голодающим, однако был арестован, обвинён в шпионаже и приговорён к смертной казни. Но благодаря заступничеству известного норвежского исследователя и общественного деятеля Ф. Нансена и других общественных деятелей смертная казнь была заменена ссылкой во внутренние губернии России и последующей высылкой за рубеж.

В 1922 г. Прокопович основал в Берлине Экономический кабинет. Из-за недостатка средств Кабинет был переведён в Прагу, где содержался на средства чешского правительства.

Кабинет стал сосредоточием выдающихся экономистов: М. В. Бернацкого, Б. Д. Вруцкуса, П. Б. Струве, А. Н. Челинцева, А. А. Чупрова и др. В нём проводились научные собрания, семинары, посвящённые проблемам народного хозяйства России, мировой экономики, теоретическим вопросам экономики и кооперации. Кабинет работал до 1938—1939 гг. За время своей деятельности Кабинет выпустил 3 тома «Экономического вестника», 12 томов «Русского экономического сборника» и 138 бюллетеней, в которых содержались материалы информационного и концептуального характера о российской и советской истории.

Экономический кабинет С. Н. Прокоповича активно сотрудничал с Пражским институтом изучения России, который занимался смежной с Кабинетом проблематикой.

Научно-исследовательский характер имело созданное в Праге Русское историческое общество. Во главе его стоял известный историк Е. Ф. Шмурло, далее А. А. Кизеветтер, Н. А. Фатеев, А. В. Флоровский, Е. А. Ляцкий, П. А. Остроухов.

Общество объединяло представителей разных исторических специальностей: русистов, славяноведов, источниковедов, историографов, византинистов, а также историков всеобщей истории, права, литературы, философии, экономики и т. д. Цель создания общества — консолидация русских учёных, забота о сохранении русской исторической школы, научных традиций и передача их молодому поколению.

За первые 9 лет работы в Обществе было прочитано более 170 докладов, большая часть относилась к русской истории. Большинство прочитанных докладов было опубликовано в «Записках Русского исторического общества», вышедших в 3 томах. Общество отмечало также памятные, юбилейные даты крупных учёных, писателей, исторических деятелей: П. Г. Виноградова, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёва, С. Ф. Платонова, чешских учёных — археолога, антрополога, этнографа академика Л. Нидерле, историка права К. Кадлеца, а также А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Петра I, Екатерины II, Александра I и др.

Русская эмигрантская общественность Чехословакии отмечала 175-летие Московского университета, Татьянин день, годовщину основания Чехословацкой Республики, 75- и 80-летие президента Т. Масарика.

Фактом огромного культурного значения было создание Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге в 1923 г. Идея создания Архива принадлежала русским учёным-эмигрантам, её поддержали министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш, его заместитель К. Крофта, по профессии историк, и В. Гирса, политик и общественный деятель.

Основной задачей создания Архива было собирание материалов по истории русских революций 1905 и 1917 гг., Первой мировой войны, а также документов, связанных с русской эмиграцией. Руководящим органом Архива являлся Совет, в который в разные годы входили историки и общественные деятели: А. А. Кизеветтер (председатель), Е. Ф. Шмурло, П. Б. Струве, В. А. Мякотин, А. В. Флоровский, П. Н. Милюков, Н. И. Астров, Ян Славик — чешский историк и директор РЗИА (1928—1939).

Деятельность Архива по сбору документов была чрезвычайно широка. Представители Архива имелись в Берлине (Б. И. Николаевский), в Париже (С. С. Минор, С. Г. Сватиков), Белграде, Софии, Константинополе, Ревеле, Варшаве, Юрьеве, Гельсингфорсе, Ковно и других городах. Кроме постоянных представителей, к 1938 г. Архив имел 1500 своих корреспондентов в 44 странах, где находились эмигранты из России.

Помимо документального материала, в Архив поступило огромное количество книг, журналов и газет, ставших впоследствии библиографической редкостью.

После окончания Второй мировой войны по решению правительства Чехословакии Архив был передан в СССР. В Москву прибыло 9 вагонов архивных документов, книг и журналов. Это собрание составляет так называемый Пражский архив, где сосредоточены уникальные материалы о российской эмиграции.

К началу 1920-х гг. за пределами России оказались писатели и поэты И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, М. А. Алданов, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, А. И. Куприн, И. В. Северянин, Н. А. Тэффи, Г. В. Иванов, Л. И. Шестов, А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева, И. В. Одоевцева, И. С. Шмелёв, М. А. Осоргин, А. Н. Толстой и др.

Их судьба в эмиграции сложилась по-разному. В экстремальных условиях революции, потери связи с Родиной, со своей культурой творчество писателей приобретало новые черты. Трагедия России слилась с их собственной трагедией. Темы российского прошлого, осмысление причин революции, поиски смысла происходящего в современной жизни и размышления о будущем стали доминирующими в литературном творчестве эмигрантов. Это отражалось и в статьях публицистов, писателей, философов, политиков разных ориентаций и пристрастий.

Многочисленные эмигрантские газеты и журналы — «Последние новости», «Возрождение», «Дни», «Руль», «Современные записки», так же как и сборник «Смена вех», евразийские издания, содержали огромный материал о российской истории и современности.

Творческое наследие литературной эмиграции органично было связано с мыслями о России, соединяло в единое целое национальное и личное, трагедию страны и трагедию отдельного человека. «Вот и поплыли литературные корабли, — отмечал писатель Б. К. Зайцев. — С чем прибыли, то и распростирали эмигрантские писатели: главное в этом было — Россия».

В своих произведениях писатели-эмигранты касались различных периодов и тем российской истории. Любовь к российской древности, идеализация патриархальной Руси находили отражение в творчестве Б. К. Зайцева («Преподобный Сергей Радонежский», «Путешествие Глеба»), И. С. Шмелёва («Лето Господне», «Богомолье»).

История Гражданской войны, крах «белого дела», победа красных, коммунистический террор являлись сюжетами Р. Гуля («Ледяной поход», «Красные маршалы: Ворошилов, Будённый, Блюхер, Котовский»), М. А. Алданова («Мыслитель», «Ключ», «Бегство»), Е. Н. Чирикова («Опустошённая душа», «Зверь из бездны») и др. В романах М. А. Осоргина «Сивцев Вражек», Б. К. Зайцева «Дом в Пасси», М. А. Алданова «Ключ» были раскрыты быт, настроения и раздумья русской интеллигенции в последние годы её жизни в России и в эмиграции.

Большой популярностью в эмигрантской среде пользовались исторические романы, особенно М. А. Алданова «Девятое термидора», «Начало конца», «Истоки», «Святая Елена, маленький остров», в которых осмысливались проблемы власти и судьбы, закономерности, роль случая, войн, революций в истории. Современники считали М. А. Алданова лучшим «историческим романистом» среди эмигрантов. И. А. Бунин неоднократно выдвигал его на получение Нобелевской премии.

В литературном творчестве пристальное внимание уделялось изучению мировоззренческих и психологических аспектов эмигрантского мировосприятия, их трансформации в новых условиях жизни — усилению ощущения катастрофичности и трагизма, обращению к религиозности, масонству и т. д.

И. А. Бунин был первым русским писателем, удостоенным Нобелевской премии. Кандидатом на Нобелевскую премию его выдвигали в 1923 и 1926 гг.

В 1933 г. при поддержке Томаса Манна и Ромена Роллана И. А. Бунину была присуждена эта премия. В официальном извещении об этом говорилось: «Решением Шведской Академии от 9 ноября 1933 г. Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена Ивану Бунину за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер».

И. А. Бунин покинул Россию в 1920 г. вместе с остатками белогвардейских войск на французском пароходе «Патрас». Его путь в Париж и Грас (на Ривьере), где создавались его художественные произведения, шёл через Константинополь, Болгарию и Сербию. Он уезжал из России не как эмигрант, а как беженец и уносил Россию с собой: «Если бы я эту „икону“, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто?» Бунин трагически переживал разлуку с Россией. Россия всегда была неотторжима от него и его творчества.

Жизнь в эмиграции была трудной. «Я русский писатель, заслуживший на Родине всеобщее признание, и один из двенадцати почётных академиков (т. е. бессмертных) Российской Академии наук. Ныне я эмигрант... принуждённый покинуть Родину и находящийся в большой нужде», — писал И. А. Бунин Т. Масарику с просьбой о материальной поддержке. Он надеялся на «великодушное внимание к нуждам и страданиям русских людей и русской культуры». В ответ на это письмо И. А. Бунину было выделено денежное пособие в качестве дара от чехословацкого президента. Характерно, что подобные обращения к Масарику были частым явлением для российских писателей-эмигрантов.

Особенно тяжёлыми для Бунина были годы Второй мировой войны, когда он пять долгих лет провёл безвыездно в Грасе. Голод, холод, нужда, нищета, смерть близких людей истощали силы. Он воспринимал себя живущим в «чужом наёмном доме», вдали от земли, которую любил «до боли сердечной». «В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого — и вот опять, опять дивно прозябает мой заветный злак», — писал Бунин в рассказе «Роза Иерихона».

Автор книги «Окаянные дни» — страстного монолога о революции, которую Бунин не принял, — оставался великим патриотом своей страны. Он пристально следил за ходом Великой Отечественной войны, переживал поражения русских в начале войны. Бунин перечитывал Л. Н. Толстого, который был для него пророком, глубоким мыслителем и носителем нравственных ценностей. «Как нарочно перечитываю 3-й т. „Войны и мира“, Бородино, оставление Москвы», — писал он.

Ощущение утраты, возможной гибели России, её обреченности, одиночества и безнадежности поглощали мысли писателя. Размышления о смысле жизни, о катастрофичности бытия, о вечных ценностях, о любви, о неизбежности человеческих утрат, о жизни и смерти — все эти темы пронизывали созданные Буниным в эмиграции произведения: «Митина любовь», «Солнечный удар», «Божье дерево», «Жизнь Арсеньева», «Освобождение Толстого», «Тёмные аллеи» и др.

Из младшего поколения писателей эмиграции можно выделить Гайто Газданова. Современники сравнивали его творчество с творчеством В. Набокова. Выходец из осетинской семьи, белогвардеец, далее эмигрант, участник французского Сопротивления — таковы вехи биографии Газданова. Он вместе с врангелевскими войсками приплыл в Константинополь, где поступил в гимна-

зию, затем оказался в Болгарии и наконец поселился в Париже, учился в Сорбонне. Его романы «Вечер у Клэр», «История одного путешествия», «Ночные дороги», «Пробуждение», многочисленные рассказы вызывали одобрительный отклик критики, в частности М. Горького, Г. Адамовича, В. Ходасевича, В. Вейдле. Рецензенты отмечали глубокую связь Газданова с русской классической литературой и блестящий, чистый русский язык. Французская критика усматривала в творчестве Газданова влияние Марселя Пруста и сравнивала его с Альбером Камю. В России произведения Газданова были опубликованы в конце 1990-х гг.

В поэтическом творчестве эмигрантов, помимо вечных тем о жизни, её бренности, человеческой судьбе, о любви и её превратностях, мощно звучала тема тоски по России.

К мысу радости, к скалам печали ли,
К островам ли сиреневых птиц,
Всё равно — где бы мы ни причалили,
Не поднять мне тяжёлых ресниц, —

с грустью писала Н. Тэффи.

И замечательный поэт Г. Иванов, поэзия которого отличалась особой культурой стиха и отражала мироощущение человека переходной кризисной эпохи, также тосковал по России:

Голубизна чужого моря,
Блаженный вздох весны чужой
Для нас скорей эмблема горя,
Чем символ прелести земной.

Горестно звучали и слова А. А. Ахматовой: «Общеизвестно, что каждый уехавший из России увёз с собой свой последний день».

В эмиграции была популярна философская проза и публицистика. Одним из ярких представителей русской философии был Н. А. Бердяев, возглавлявший Религиозно-философскую академию в Берлине. Его книги «Смысл истории», «Философия неравенства», «Миросозерцание Достоевского», «Константин Леонтьев» сохраняют свою научную ценность и по сей день. Мастерами философской прозы в эмиграции признавали также Л. И. Шестова, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка.

В книге «Русская литература в изгнании» (1956) Г. П. Струве писал: «Русская зарубежная литература есть временно отведённый в сторону поток общерусской литературы, который, придёт время, вольётся в общее русло этой литературы». Эти слова стали пророческими.

В Европе в эмиграции находились русские актёры, режиссёры, драматурги и другие деятели театрального искусства. В Праге работали Русский камерный театр, Пражская труппа МХАТ, приехавшая в 1921 г. из Берлина после распада труппы Московского художественного театра, Русская драматическая студия, Пражский русский театр, театр «Арлекин».

В Прагу приезжали театральные труппы из России во главе с К. С. Станиславским, Музыкальная студия В. И. Немировича-Данченко, «Романтический балет» С. Дягилева.

Для русских эмигрантов творческих профессий была создана Артистическо-литературно-музыкально-художественная федерация, возглавляемая писателем-драматургом Е. Н. Чириковым и артистом В. Х. Владимировым.

Русский камерный театр был первым постоянным русским театром в Европе. В состав труппы входили многие актёры, имена которых были известны в дореволюционной России: Е. Ф. Стрельская, С. Г. Долинский, П. Н. Алексеев, П. С. Григорьев, Д. И. Кавказова, И. Я. Миронов, Е. Ф. Мордвинов и др. Но вскоре финансовые затруднения привели к прекращению деятельности театра. Лидирующее положение заняла Пражская труппа МХАТ, образованная из русских актёров, гастролировавших в Европе.

Труппа МХАТ с 1920 по 1921 г. в составе 36 человек гастролировала в Болгарии, Югославии, Австрии, Германии, Скандинавии и Чехословакии. Спектакли, поставленные по русской классике, пользовались большой популярностью. Часть труппы возвратилась в Россию, а часть осталась в эмиграции и составила основу Пражского театра, который финансово поддерживало чешское правительство. Н. О. Массалитинов и М. Н. Германова вошли в режиссёрскую группу театра.

В 1924 г. Н. О. Массалитинов организовал частную театральную труппу в Берлине, затем возглавил Софийский народный театр. Л. Д. Леонидов основал театральное бюро в Париже. М. Н. Германова проявила себя не только как актриса, но и как режиссёр. В своих постановках по произведениям Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого она не только сохраняла традиции русской классики, но и использовала приёмы европейской режиссуры. Гастроли Германовой с её труппой пользовались успехом в Лондоне и Париже. Позднее костяк пражской труппы М. Н. Германовой: Г. М. Хмара, М. А. Бахарева, А. Н. Богданов, Е. Д. Кедрова и другие — вошёл в состав труппы Русского театра в Париже.

Париж рукоплескал и выдающемуся русскому актёру М. Чехову с его постановкой «Ревизора». Позднее М. Чехов возглавил театр-студию в США; П. Ф. Шаров стал режиссёром немецкого театра, после прихода к власти гитлеровцев он переехал в Милан; Н. Верещагин стал главным режиссёром сербского драматического театра в Новом Саде; В. И. Васильев заложил основы драматического театра в Варшаве; В. И. Греч и П. А. Павлов преподавали в театральной школе в Сербии.

В 1930-е гг. в Чехословакии работало два драматических театра. Пражский русский театр существовал при Союзе русских писателей и журналистов. В состав труппы театра входили П. Н. Алексеев, М. Богатырёва-Владимирова, В. Горелов, Л. К. Лидина, А. Павлов, С. Тимашева. Возглавлял труппу В. Х. Владимиров. В театре ставились пьесы классиков, писателей-эмигрантов и советских авторов.

Театр «Русская драматическая студия в Праге» работал с 1935 по 1943 г. под руководством Е. Ф. Днепровой.

Театральная культура Болгарии и Югославии также испытывала значительное влияние русского театра. Народный театр Софии по приглашению Министерства народного просвещения Болгарии возглавлял выдающийся актёр и режиссёр Н. О. Массалитинов, создавший при театре Драматическую школу, преобразованную в 1948 г. в Высший институт театрального искусства. С Н. О. Массалитиновым работали актриса К. Ф. Краснопольская, критик, драматург и режиссёр П. М. Ярцев, бывшая актриса Александринского театра, критик и педагог В. В. Пушкарёва-Пехливанова. Театр развивал принципы Московского художественного театра и систему К. С. Станиславского. Три десятилетия Н. О. Массалитинов возглавлял Народный театр Софии и

помогал болгарам формировать свою национальную театральную культуру. «Своей талантливой педагогической работой Н. О. Массалитинов, — говорилось в болгарской печати, — воспитал целое поколение артистов и режиссёров, которые... являются основной силой национального театра Болгарии». В память о Н. О. Массалитинове в Пловдиве был открыт театр его имени.

Большую популярность приобрела в Болгарии русская театральная группа «Русский ансамбль Ю. Юровского». В этой труппе блистала звезда русской сцены Е. А. Полевицкая. За плодотворную культурно-просветительскую деятельность царь Борис III вручил ей орден Дамского креста II степени.

В 1930-е гг. в Софии был открыт Русский драматический театр. В репертуар театра входили как произведения русских классиков, европейских авторов, так и произведения драматургов-эмигрантов (М. А. Алданова «Линия Брунгильды», Н. А. Тэффи «Лови момент» и др.).

Бывшие военные в эмиграции создали военные любительские театральные коллективы. Цель их создания состояла в поддержании морального духа военных. Полковой драматический театр в Болгарии возглавил полковник С. Ф. Сулин; при театре работал струнный оркестр под управлением есаула Михайлова и хор под руководством И. Н. Кочетова. В 1927 г. С. Ф. Сулин возглавил драматический театр при русском клубе в Бургасе; также создал детский музыкальный драматический театр «Лемуру».

Ситуация в Югославии была несколько иной. После Первой мировой войны в связи с разрывом отношений с Советской Россией и тесными контактами с Францией сербская общественность отдавала предпочтение западной культуре. В общеобразовательных программах для гимназий преобладали имена французских и немецких авторов. Русская эмиграция, оказавшись в Югославии, способствовала повороту искусства к славянским традициям. И хотя в театральной жизни страны продолжали развиваться связи с представителями западной культуры, акцент был сделан на возрождение национального творчества.

В Русском Доме в Белграде выступали две театральные труппы: одну возглавлял Ю. Л. Ракитин, ставший артистом национального театра Белграда и позже режиссёром народного театра Сербии; другую — А. Ф. Черепов, руководивший «Русским драматическим театром для народа». Он основал театральную школу, в которой преподавали художественное чтение, ораторское искусство, пение, сценическое движение. В школе обучались как сербы, так и русские. С целью объединения всех учащихся проводился «субботник сотрудничества». С 1933 г. А. Ф. Черепов стал руководителем «Русского драматического театра для народа», затем режиссёром Моравского народного театра.

Молодёжный академический театр Белграда прославился постановкой чеховской драматургии. Сербская пресса отмечала благотворное влияние русской театральной эмиграции на национальное искусство.

На сцене театров Югославии многие годы трудились артисты: в Белградском драматическом театре — В. П. Долматов, в театре Сараева — А. Д. Сибирияков и Л. В. Мансветова; Ю. А. Жуков основал в Югославии «Югоконцерт». Наряду с профессиональными коллективами работали и многочисленные любительские театральные коллективы в Дубровнике, Суботице, Нише, Герцеговине, Загребе.

В русском искусстве целостность оформления спектакля — декорации, музыка, костюмы, хореография — являлась законом сценического спектакля.

Эта идея получала развитие и в театрах Парижа, Берлина, Праги, Белграда, Брно, где работали русские художники-оформители: Е. П. Ващенко, В. И. Жедринский и др. К оформлению спектаклей привлекались и выдающиеся художники М. В. Добужинский, А. Я. Головин, К. А. Коровин, А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих, Л. С. Бакст, И. Я. Билибин.

Блистательными именами было представлено и музыкальное искусство за рубежом. Творчество С. В. Рахманинова, С. С. Прокофьева, И. Ф. Стравинского, Ф. И. Шаляпина, Н. Н. Черепнина, А. К. Глазунова, С. А. Кусевицкого стало частью мировой культуры и способствовало популяризации русской музыкальной культуры.

В 1921 г. в Париже была открыта Русская консерватория, основанная на базе русской музыкальной школы, в которой преподавали по классу фортепиано С. В. Рахманинов, Ю. Френкель, О. Кнюс, П. Львовская, по классу скрипки В. Вальтер, Б. Каменский, Ю. Конюс, по классу пения В. Бернарди, А. Александрович, М. Славина. Во главе консерватории стоял Н. Н. Черепнин, известный композитор и дирижёр. При консерватории работала и балетная студия во главе с С. М. Лифарём.

Создание русской оперы за рубежом было сложным и дорогостоящим делом. Короткое время чисто русская опера существовала в Париже. Как правило, выдающихся вокалистов приглашали на работу национальные театры других стран.

В репертуар Народного театра Праги входили оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», «Пиковая дама», Н. А. Римского-Корсакова «Царь Салтан», «Садко», М. П. Мусоргского «Борис Годунов»; ведущие партии исполняли русские певцы-эмигранты С. П. Левицкий, Е. И. Попова, Е. Д. Воронец и др. Многие оперы были поставлены русскими режиссёрами Л. Лабером, В. С. Севастьяновым.

В 1935 г. в Чехословакии гастролировал Ф. И. Шаляпин; неоднократно в Прагу приезжали известный баритон Г. А. Бакланов, Л. Я. Липковская, М. М. Куренко. А. И. Мозжухин, брат известного киноактёра И. И. Мозжухина, покорял пражан образами Мефистофеля в «Фаусте» Гуно, Бориса Годунова, Ганса Сакса в «Нюрнбергских мастерзингерах» Вагнера.

При посредничестве русских певцов в Болгарии создавались оперный ансамбль, «Оперное товарищество», которое положило начало «Народной опере» в Софии. В Болгарии пели Ф. И. Шаляпин, И. С. Иванцов, Д. А. Смирнов — один из лучших теноров мира и др.

Ф. И. Шаляпин писал: «Из серьёзно поставленных во всём мире, где мне только удалось побывать в оперных театрах, я могу назвать лишь три, заслуживающих внимания. Это оперы в Софии, Риге и Ковно. Театры эти находятся под несомненным влиянием русского искусства, его метода и исканий... Нельзя забывать, что только, кажется, в России театры не развлечение, а духовная потребность первой необходимости». Ф. И. Шаляпин мечтал создать в Болгарии на свои средства школу вокального мастерства, что, однако, не осуществилось. По воспоминаниям болгарских артистов, выступления Шаляпина оказали огромное влияние на становление национального вокального искусства в Болгарии.

В оперной труппе Народного театра Югославии насчитывалось 29 солистов, 12 из них были русскими: хормейстеры, костюмеры и сценограф — все были из России.

В постоянный репертуар театра входили оперы Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского, Черепнина. Среди русских вокалистов в Белградском оперном театре пели Е. И. Попова, Г. М. Юрнев, П. Ф. Холодков, Г. М. Поземковский и др.

Влияние русского оперно-исполнительского искусства на местный оперный театр было огромным. Русские вокалисты, сценаристы, режиссёры делились со своими зарубежными коллегами профессиональным опытом.

Русские балетные сезоны С. П. Дягилева в странах Западной Европы оказали решающее влияние на развитие мировой хореографии. Первый сезон состоялся 19 мая 1909 г. в Парижском театре Шатле. «С этого момента, — писал выдающийся русский балетмейстер М. Фокин, — русская школа танца, русский репертуар, русские танцовщики стали авторитетами в вопросах балета». В Парижском театре блистали М. Ф. Кшесинская, О. И. Преображенская, О. А. Спесивцева. Русские балерины открывали в Париже балетные студии и школы танца.

На сцене Пражского национального театра выступали Е. Никольская, А. Павлова, Т. Карсавина, гастролировали балетные коллективы С. Дягилева. В театре Брно в декабре 1938 г. состоялась премьера балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». В Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета им. Кирова премьера этого балета состоялась в 1940 г., а в Большом театре — в 1946 г.

Традиции русской балетной школы оказали значительное влияние на развитие балетного искусства в Югославии. К. Исаченко, исполнительница пластических танцев, основала в Белграде Малую балетную школу, позднее эта школа влилась в Актёрско-балетную школу при театре Народного танца, где хореографом, режиссёром стала Е. Д. Полякова, бывшая солистка Мариинского театра и Русского балета С. Дягилева в Париже. В прессе о ней писали: «В школе Поляковой, кроме русских, много и сербских учениц, — сама школа так прочно срослась с Белградом, стала неотъемлемой частью его культурной жизни». За свою деятельность в области балетного искусства Е. Д. Полякова дважды была награждена королём Александром орденами.

В 1920—1930-е гг. в Народном театре Белграда работали известные хореографы и исполнители: Ф. Васильев, М. Фроман, А. Романовский, Н. Кирсанова, Б. Князев и др. Известность приобрела и балетная студия в Загребе, которую организовала М. Фроман.

Русские хореографы вносили в балетные постановки национальный колорит и элементы народного танца. Югославский историк М. Йованович свидетельствовал, что к концу 1930-х гг. белградский балет благодаря усилиям русских хореографов приблизился к уровню прославленных балетов Центральной Европы.

В эмиграции процветало хоровое искусство. Песенная культура славянских стран развивалась на основе фольклорных традиций. В русском зарубежье было зарегистрировано 63 хоровых коллектива. В Чехословакии, Югославии, Болгарии были созданы студенческие, казачьи, воинские, церковные хоры.

Известен студенческий хор А. А. Архангельского. Он был приглашён в Чехословакию Алисой Масарик, дочерью президента. За своё тридцатилетнее существование (до 1950 г.) хор дал более 200 концертов. Дирижёрами хора были выдающиеся музыканты — профессор Петроградской консерватории А. Г. Чесноков, выпускник Пражской консерватории Г. И. Пехар,

П. П. Милославский, А. Н. Новиков и др. Репертуар хора включал русские народные, казачьи песни, церковные песнопения, фольклор, отрывки из опер и т. д. Пропаганда хорового искусства осуществлялась через выпускаемый хором журнал «Русский вестник хорового искусства».

В Чехословакии работало 14 русских хоровых коллективов: постоянный церковный хор при храме Св. Николая, которым дирижировал Ф. Ф. Никишин, хор кружка русской музыки, детский хор при Русской академической труппе, казачий хор под руководством В. А. Левицкого и др.

В Софии работал хор донских казаков под управлением С. Жарова, выпускника Московского синодального училища. Хор гастролировал в Вене, Берлине, Нью-Йорке и других городах мира. Гастроли хора принесли ему всемирную славу. Венская газета писала об «...измученных и оторванных от Родины, бесправных и беспаспортных, в обносках и обмотках участниках хора, выстроившихся перед блистательной 3-тысячной аудиторией музыкальной столицы мира... Преодолевая отчаяние и робость, на сцену вышел маленький регент, взмахнул руками, и венские стены огласились жизнеутверждающим гимном Д. С. Бортнянского «Тебе Бога хвалим». С. В. Рахманинов с восхищением относился к высокому искусству этого хора».

В Королевстве СХС были созданы хоровые коллективы: в Белграде — хор им. М. Глинки, русский хор придворной капеллы; в Новом Саде — церковно-светский хор под управлением И. Г. Григорьева; в Загребе — хорватский Кирилло-Мефодиевский хор и др. Большой популярностью пользовались казачьи хоры — хор Кубанской казачьей дивизии, хор Донской казачьей бригады под руководством М. М. Ротова.

Хоровые коллективы вели большую благотворительную деятельность: давали концерты в пользу голодающих, безработных, инвалидов; принимали участие в вечерах памяти Ф. И. Шаляпина, А. К. Глазунова, А. А. Кизеветтера, А. А. Архангельского, в торжественных концертах.

Русские артисты-эмигранты внесли значительный вклад в театральную, музыкальную культуру европейских стран, обогатили многие виды искусства: драму, оперу, балет, сценографию, концерттирование, хоровое пение. Они значительно расширили в этих странах русский классический репертуар. Постановка произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, исполнение музыки П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова не только создавали русское культурное пространство для самих эмигрантов, но и знакомили другие страны с русской культурой.

Значительным событием для эмиграции являлся «День русской культуры», с 1925 г. проводившийся в разных странах специально созданными комитетами. Идея «Дня русской культуры» зародилась в России как идея национального объединения во имя культуры в самый разгар революционных событий 1917 г. По инициативе П. Б. Струве была создана «Лига русской культуры» — организация, служившая идее реализации национального объединения. Программные воззвания этой организации были написаны П. Б. Струве и А. В. Карташёвым. Первое заседание лиги должно было состояться в Санкт-Петербурге накануне октября 1917 г.

Проведение «Дня русской культуры» способствовало сохранению национальных традиций (язык, наука, культура), пропаганде русской культуры. Одновременно с этим происходило взаимодействие разных национальных культур. Сам процесс проведения этого торжества в разных странах: во Фран-

ции, Болгарии, Югославии, Чехословакии и др. — свидетельствовал о признании русской культуры и её носителей — русских эмигрантов. «Символ национального праздника, — говорил на «Дне русской культуры» в Сорбонне (1926) В. А. Маклаков, — найдём мы не в событиях русской истории, а в событиях русской культуры. В этом лежит особый и глубокий смысл. Пропадали государства, но сохранялась культура, и государственность возрождалась». И не случайно «Днём русской культуры» считался день рождения А. С. Пушкина — 6 июня.

Феномен «Дня русской культуры» явился фактом национального самознания российской эмиграции, самосознания, не скованного рамками национальной ограниченности.

* * *

О культурной миссии эмиграции свидетельствовали и многие общественные и государственные деятели зарубежных стран. Например, профессора Сорбонны Ш. Сеньобос и Л. Эйзенманн восхищались мастерством русской научной культуры, высоким уровнем исторической школы России. Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш писал: «Русская эмиграция при всех бедах, которые она переживает, сослужит большую службу себе, России и нам всем... её задача... прежде всего культурная. Она сблизила хоть несколько некоторые славянские народы, научилась сама многому и научила других познавать некоторые стороны русской культуры. У нас русская эмиграция свободно работала в научном и культурном отношении, и её заслуги велики, судя по результатам этой работы».

Постреволюционная эмиграция 20—30-х гг. XX в. была масштабным явлением как по содержанию, так и по своему влиянию на другие страны. Будучи порождением социальной катастрофы, эмиграция унесла с собой духовное богатство России и создала за рубежом особый мир, в котором сохранились культура, наука, язык, традиции и религиозно-нравственные ценности старой России, которой уже не было в реальной жизни. Русские эмигранты были беззаветно преданы России. Этим объясняется отношение многих эмигрантов, непримиримых противников советской власти, к исходу борьбы СССР с немецко-фашистской Германией: они мечтали о победе России.

Влияние русского духовного наследия на культуру европейских стран, а также на страны, куда в силу разных причин переезжали русские эмигранты, было значительным и общепризнанным.

Вместе с тем нельзя не признать, что соприкосновение с политическим и культурным миром Запада обогащало представления русских эмигрантов о будущем мироустройстве России. Посткоммунистическая Россия мыслилась ими как демократическое государство, сохраняющее национальные особенности российской государственности и культуры.

Приложение

Из воспоминаний известных учёных и деятелей культуры об эмиграции и о России

М. А. Осоргин*

Тем же морем, от тех же ставших неприятными берегов России отплывали мы семнадцать лет назад и также последним впечатлением были революция, реакция и тюрьма. Что изменилось? Ничто и многое! В личной жизни просто завершился круг. Не было отечества — не стало отечества. На это затрачена молодость. На смену наивным верованиям пришла мудрость житейская. Она учит... пожалуй... пожалуй, она ничему не учит. Она даже не отрицает полезности и приятности наивных верований, придающих жизни известный аромат; она добродушно узаконяет все *salta mortali*, которые мы так охотно и порою самоотверженно выкидываем «во имя» и «для блага», она готова предупредительно одобрить наши самые сумасбродные проекты спасения себя самого и всего рода человеческого. Она и пылких, и ленивых, и скептиков, и оптимистов делает одинаково созерцателями. И возможно, что мудростью называется лёгкая, не болезненная, но и не молодая усталость от жизни. <...>

Такими небогатыми мыслями я провожаю отплывающий берег России. Куда так быстро уносит его морское течение? Эй, родина, куда уходишь и зачем? Одна из чёрточек моей неисправимой сентиментальности — любовь к акварельным краскам русской равнины. К склонам кругобёдрой речки, поросшим ивняком и ольхой. К золотой ниве, через которую протоптана узкая дорожка, а колос — в рост человека. К белым, маслятам и рыжикам в мягких мхах. К стаду коров, кейфующему в воде по брюхо. К душистому мятному пару первого утреннего припёка на лужке меж молодых сосен и берёз. К липе цветущей, к лиловой и белой сирени, к грешной, но ласковой лени, только России присущей, к сумеркам длительным, к тени вечерней, скользящей неслышно и плавно, и ко всему, что в этой стране, неимущей, хмельной, просящей и удивительной, — просто, непышно, но акварельно, и мягко, и славно. Всё это было, есть. Всё это осталось неизменным. Всё это моё — всё это уносится морским течением. <...>

Мне очень хочется провозгласить тост за Европу, за остатки её свободного духа, за предстоящий нам отдых и ждущую нас живую работу. Говорить хочется много и зло, весело, остро и иронически, чтобы создать хорошее общее настроение и расплавить в нём свои недавние тёмные мысли. Я беру стакан, встаю и, увидев

---

* М. А. Осоргин (наст. фамилия Ильин) (1878—1942) — писатель, публицист, критик, мемуарист. В 1922 г. выслан из России. Жил в Париже. Член комитета помощи русским писателям и учёным во Франции, член правления Тургеневской библиотеки, общества друзей русской книги. Читал лекции о русской культуре и истории в Русском народном университете.

в окне последнюю уходящую в синеву полоску берега России, говорю, внезапно и смущённо: «Выпьем за счастье России, которая нас вышвырнула». <...>

...Настоящее России мне рисуется пустым местом, отправной точкой. Россия в развале, а не в созидании. Всё в развале — и жизнь, и мысль. Но в развале неизбежном, даже необходимом. Жалеть об этом — смешно. Мы обязаны были знать, что это случится. Плохо мы знали народ наш, да и вообще плохо понимали, что такое психология массы.

<...> Если мы хотим в будущем России иметь и наши наследственные черты, мы должны идти не путём приспособления, а путём борьбы. Переоценка ценностей не означает их уничтожения, она лишь беспощадно отбрасывает хлам, ценность утративший... Но старый, испытанный, нерассыпавшийся кирпич идёт и на новое здание. Значит, нужен — полный пересмотр, но и защита того, чего разум наш и опыт наш не отвергнут. <...>

Мы, люди старшего поколения, России возрождённой, восстановленной и свободной не увидим. В эту уверенность я не вкладываю заряда пессимизма. Моё счастье не в том, чтобы я, чтобы мы увидели Россию возрождённой и свободной, а в том, чтобы таково было её будущее. Моя надежда — в том, чтобы и я увидел её вступившей на этот долгий и сложный очистительный путь. Но опыт прожитого должен был научить нас, что рай не создаётся ни политическими переворотами, ни властными декретами; не только рай, а и плохонькая «электрофикация». <...>

Вернёмся мы или не вернёмся в Россию — неважно. Могут за нас вернуться наши дети. Извечный спор прошлого с будущим прекратится.

Цит. по: Осоргин М. А. Тем же морем... / Мих. Осоргин // Современные записки. — Кн. XIII. — 1922.

Ф. А. Степун*

Человеческое сознание многомерно, и не каждый человек хочет того, что ему хочется. Мне часто хотелось оказаться в Европе. Но всюю своею волей и всем своим сознанием борясь в себе против этого своего «хочется», я все годы большевистского режима определённо «хотел» оставаться в России и в отношении себя, во всяком случае, не одобрял идей эмиграции.

Бежать от страдающей России в благополучие Европы, войти в тихую жизнь маленького немецкого городка и отдаться вечным философским вопросам представлялось прямым нравственным дезертирством. Да и возникали сомнения: возможна ли вечная философия на путях обывательского бегства от тяготы и страданий «исторической» жизни; время ли заниматься беспредпосылочною философией, когда смерть всюду обнаруживается страшною предпосылкой жизни и смысла.

Бежать же в Европу не в целях своего личного спасения, но в целях спасения России от большевизма, бежать в добровольческий стан под белые знамё-

---

* Ф. А. Степун (1884—1965) — писатель, философ, социолог, историк культуры, публицист. В 1922 г. выслан за границу. Поселился в Берлине. Редактор журнала «Современные записки». Совместно с И. И. Фондаминским и Г. П. Федотовым выпускал в Париже журнал «Новый град». С 1937 г. работал в Мюнхенском университете на кафедре истории русской культуры.

на царских генералов, этого душа никак не принимала. С самого начала было до безнадежности ясно, что внешнему объединению беспредметной, офицерской доблести, политической безыдейности «бывших людей» и союзнической корысти никогда не избавить России от большевизма. Не избавить потому, что большевизм совсем не большевики, но нечто гораздо более сложное и прежде всего гораздо более своё, чем они. Было ясно, что большевизм — это географическая бескрайность и психологическая безмерность России. <...>

Было ясно, что большевизм — одна из глубочайших стихий русской души: не только её болезнь и её преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчётливые эксплуататоры и потакатели большевизма. Вооружённая борьба против них всегда казалась бессмысленной — и бесцельной, ибо дело было всё время не в них, но в той стихии русского безудержа, которую они оседлать — оседлали, которую шпорить — шпорили, но которой никогда не управляли. Имитаторы русской правды, узурпаторы всех святых лозунгов, начиная с величайшего: «долой кровопролитие и войну», обезьяны в жокейских фуражках, они никогда не держали в своих руках поводов событий, а всегда только сами кое-как держались за пылающую гриву несущейся под ними стихии. Историческая задача России в изжитые нами годы, в годы 1918—1921, заключалась не в борьбе с большевиками, но в борьбе с большевизмом: с *разнужданностью* нашего безудержа. Эту борьбу нельзя было вести никакими пулемётами, её можно было вести только внутренними силами духовной сосредоточенности и нравственной выдержки. Так, по крайней мере, казалось мне с первых же дней победы большевиков. Что же оставалось делать? — Оставаться в России, оставаться с Россией и, не будучи в силах как-либо внешне помочь ей, нести вместе с ней и во имя её все муки и все ужасы лихой полосы её жизни. Люди практики, люди политики, вероятно, ответят мне, что это бессмыслица. Но, во-первых, я не практик и не политик, а во-вторых, разве сыну надо быть обязательно врачом, чтобы не покидать постели своей умирающей матери?

В августе прошлого года весь мир описанных мною мыслей и чувств был совершенно внезапно упрощён предписанием ГПУ покинуть пределы России. В первую минуту получения этого известия оно прозвучало (если отвлечься от совсем личных чувств и обстоятельств) радостью и освобождением. Запретное «хочется» по отношению к Европе и всем соблазнам «культурной» жизни становилось вдруг не только не запретным, но фактически обязательным и нравственно оправданным: не ехать же в самом деле вместо Берлина в Сибирь. Грубая сила (этот опыт я вынес ещё с войны) — лучшее лекарство против всех мук сложного *многомерного* сознания. Не иметь возможности выбирать, не располагать никакой свободой — иногда величайшее счастье. Это счастье я определённо пережил, заполняя в ГПУ анкеты на предмет выезда за границу.

Но вот всё было улажено. Паспорта лежали в кармане. До отъезда оставалась неделя. Каждый день мы с женой ходили к кому-нибудь прощаться. Ходили по всей Москве: со Смоленского рынка на Солянку, с Мясницкой к Савёловскому вокзалу, и странное, трудно передаваемое чувство с каждым днём всё больше и больше укреплялось у нас в душе: чувство возвращения нам нашей Москвы, Москвы, которую мы уже долго не видели, как будто совсем потеряли и вдруг снова нашли. В этом новом чувстве нашей Москвы снова торжествовала свою победу вечная диалектика человеческого сердца,

которое окончательно овладевает предметом своей любви всегда только тогда, когда его теряет.

День отъезда был ветренный, слякотный и мозглый. На тёмной платформе Виндавского вокзала перед неосвещёнными окнами дипломатического вагона стояли родные, друзья и знакомые, приехавшие проводить нас в дальний и совсем ещё неизвестно куда ведущий путь.

Раздался свисток; поезд медленно тронулся; кончилась платформа, — потянулись вагоны; кончились вагоны, — побежали дома, улицы; затем поля, дачи, леса, и наконец деревни: одна за другой близкие, далёкие, чёрные, желтоглазые, но все сирые и убогие в безучастных, снежных полях.

Под окном мелькает шлагбаум. Куда-то вдаль под тёмную, лесную полосу отбегает, вращаемое движением поезда, чёрное по белому снегу шоссе. И в сердце вдруг — о страшное воспоминание 19-го года — зажигается непонятная мечта не стоять у окна несущегося в Европу поезда, а трусом плестись в розвальнях по этому неизвестно куда бегущему, грязному шоссе.

Пока, стоя у окна, я мысленно еду по неизвестному мне шоссе почему-то к себе домой, в моей памяти одна за другой возникают картины прожитой жизни, картины в своё время как-то недостаточно оценённые в их большом и положительном значении. <...>

В целом ряде своих встреч с эмигрантами меня бесконечно поражала одна, для очень многих эмигрантов глубоко характерная, черта. Они встречали меня как только что приехавшего из России с явной не только ко мне, но прежде всего к России относящейся приязню и даже любовью. Я непосредственно чувствовал, что для них тот «дым отечества», который для не смеющих вернуться домой, быть может, ещё сластнее и приятнее, чем для возвратившихся после долгих странствий.

Но такое отношение ко мне часто как-то внезапно нарушалось при первых же моих словах о России. Достаточно было, рассказывая о том, как жилось и что творилось кругом, отметить то или другое положительное явление новой жизни, всё равно, совсем ли конкретное, что в такой-то деревне не осталось больше мецан, что все мецане обзавелись скотом, или более общее, что подрастающее поколение хотя и не учится, но зато развивается быстрее и глубже, чем раньше, — как мои слушатели сразу же подозрительно настораживались и даже странным образом... разочаровывались. Получалась совершенно непонятная картина: любовь, очевидная, патриотическая любовь моих собеседников к России явно требовала от меня совершенно недвусмысленной ненависти к ней. Всякая же вера в то, что Россия жива, что она защищается, что в ней многое становится на ноги, принималась как цинизм и кощунство, как желание выбрить и нарумянить покойника и посадить его вместе с живыми за стол. Говори я, что не Россия жива, а что большевики бессмертны, что не Россия успешно защищается от большевизма, но что большевики успешно защищают Россию, подозрительность и негодование моих собеседников были бы объяснимы. Но этого я никогда не говорил...

Утверждать, что большевики всегда творят благо, было бы слишком большим оптимизмом, но не видеть, что они его иногда творят, — зрячему человеку всё же нельзя. Ясно, что видеть это совершенно не значит верить в большевиков, но значит верить в свет, в добро, в смысл истории, в Россию... Волновал и отталкивал моих собеседников не совершенно чуждою мне защитою большевиков как власти, а защитою моей веры, что несмотря на боль-

шевиков Россия осталась в России, а не переехала в эмигрантских сердцах в Париж, Берлин и Прагу.

Цит. по: Степун Ф. А. Жизнь и творчество. — М., 2009.

М. Н. Германова*

Все решения и переломы в моей жизни совершались просто и скоро. Я любила это, любила ощущать, как раскрываются силы, как утверждается мужество; даже просто менять квартиру до сих пор люблю, люблю устройство по-новому, словно начинается новая жизнь, сбрасывается отмершая чешуя, как у змеи, и душа облегчается от старого, изжитого. Это отряхивание старого облегчает, как сбрасывание балласта при подъёме. Правда, иногда с ним и ценное летит вниз, но что ценно действительно — знаем ли мы?.. что ценнее свободы?

Вероятно, это в русской натуре — любовь к воле-волюшке, для которой и разрушить не жаль и бросить самое дорогое.

Бывают решенья, продиктованные своевоьем, эгоистическим самоутверждением, самоуслаждением. Совесть слушала только сердце, а оно бывало раздуто хищническим, греховным эгоизмом и часто самообманутое искренностью и пылом своего хотения, совершало ошибки и грехи.

Но путь беженства — самая крутая грань, самый высокий горный хребет, который мы перевалили, — был взят нами иначе. Это было во имя свободы, во имя духа. Заговорил вековой инстинкт русского народа. Ал. Петр. сказал мне как-то, что всегда так, на протяжении всей истории, русские любили уходить, когда их стесняли, угнетали, когда им не нравился кто-нибудь; уходили и от Грозного, и от Бориса Годунова, и от тишайшего царя, уходили от несправедливости, от гонений, от неволи, уходили на юг, на восток, в степи, в леса, к «Студёному морю» и к «Индийскому царю» <...> Но, бросая дом, разрушая свой очаг и уходя навсегда от него, уносили с собой то духовно существенное, чего не хотели отдать насилью, и, придя в новую страну, строили и создавали вновь это самое — то, что боялись потерять, оставшись.

Так и мы оставили родину, дом, созданный любовью, согретый сыночком, окружённый нежностью близких, от которых, мы чувствовали, отрывались навсегда.

Мне же приходилось оставить Театр в расцвете таланта, успеха и сил, Москву мою, которая знала, любила меня и гордилась мной.

Но верила я, что так лучше, что лучше оставить эти блага, оказавшиеся такими неверными, хоть и временно, может быть, но так быстро рассеявшись. Смутно чудилось, что надо сохранять что-то другое. Вера была, настоящая вера и подлинное мужество.

Милые мои, молодые наши! Все мы, старые, вывезли так лучшее, наше, русское для вас. Не забывайте его, берегите. <...>

Так и уехали мы из России. И с тех пор земля, твёрдая земля, наша милая Земля была выдернута из-под ног.

---

* М. Н. Германова (1885—1940) — актриса, режиссёр. Выступала в Праге и Париже. Член Союза деятелей русского искусства во Франции, член Центрального Пушкинского комитета в Париже.

Ах, даже и не расскажешь, какая это была опора, верность, какое счастье, что это такое была для нас — Россия.

Россия. Когда говоришь это слово, то заливает чувство широты, золотого звона, нежного напева весны, ветра, леса <...>

Российская империя, как было написано почти через всю Европу и Азию на географических картах. Гордость, уверенность, доверчивость к судьбе <...>

Сидишь у себя в комнате и смотришь в окно на снежные сугробы, покрывающие всё кругом, и чувствуешь, что этот мягкий покров покрывает всю Россию, поля её, леса, степи, горы на тысячи и тысячи вёрст, так широко, что и не охватишь мыслью, так величаво, покойно, ласково станет под этим единым объятием — Россией.

Когда рушилось это, не стало России, Империи Российской, только тогда возможно было понять, какое счастье это было.

Как скучно, темно и страшно без национального флага. И радости нам уж не может быть настоящей. Мы всегда везде пришлые, незваные, не гости, а прохожие, нежеланные. Как оторванные листья. Нас судьба может разнести, закрутить от самого ничтожного произвола.

Эта бездомность на всех русских кладёт отпечаток. Посмотришь в праздник, например, гуляют французы, даже небогатые, а у них такие уверенные, солидные, хозяйские лица. Они — дома. Русские же лица, даже в веселье, не радостны. Их можно узнать среди иностранцев не только по усталости, бедности, но и по выражению этой сиротливой бездомности. Даже у советских, хотя и самоуверенные, дерзкие, но всё-таки не счастливые, а «родства не помнящие» лица.

Россия, русский флаг, русский гимн — ничего не осталось <...>

Рассказывала я, как хорошо когда-то мама устраивала поездки в Киев и на Кавказ, а нам волей-неволей пришлось теперь таскать сыночка по всей Европе <...>

Выехали мы из Батума в Константинополь. Ехали совсем как табор; занимали целый вагон, со множеством вещей, корзин, чемоданов. Ведь везли с собой всё, что имели, — и платья, и бельё, и книги, и спиртовки, и кастрюли, и чашки, и тарелки, весь убогий скарб, который нарастает в дороге у бедняков.

Наши, нашей кучки, чемоданы были очень невзрачны, неудобны, много их было, по ним можно было судить, как трудно было нам материально. Вместе все ехали, в одних и тех же гостиницах нас размещали, даже в одних и тех же ресторанах приходилось встречаться за обедом. Очень это было утомительно, но у меня была хоть моя привычная, любимая работа, а вот Папилечке так уж совсем было трудно в этой актёрской ораве.

Второсортные гостиницы, жёлтые простыни, дешёвые рестораны — как устали мы от них! Даже маленький сыночек затосковал о доме.

Но принимали нас, относились к нам везде замечательно. В Болгарии, в Сербии, в Чехии встретили нас не только с поклонением, как частицу Художественного театра, но и участливо, тепло, ласково, действительно, как своих братьев славян.

В Софии актёры всем театром вышли нас встречать, тут же на вокзале напоили чаем, потом разместили нас у себя по домам. Ведь мы были такие бедные, что трудно было марку купить, чтобы сестричке письмо послать в Париж.

Театром группа наша была прекрасным. К нам присоединились почти все случайно выехавшие актёры, студийцы или ученики Театра. И ещё с Екатеринодара стали мы возобновлять пьесы из репертуара нашего Театра. Труднее всего было одеть пьесу, дать ей необходимый инвентарь.

В Екатеринодаре, когда я приехала, возобновили «У царских врат», «Мудреца», «Три сестры». «Карамазовых» могли ставить только в Софии. С Книппер играли «Осенние скрипки», «Дядю Ваню», «У жизни в лапах». В Праге возобновили «Гамлета» для Качалова.

После Софии и Белград, и Загреб, и Прага были прямо триумфами! Власти, театры, всё общество принимали участие во встречах нас. Незабвенный король Александр Сербский, царь Борис Болгарский пожаловали нам ордена.

Белград был тогда полуразрушен после войны, но в Загребе нас закармливали. Во всех этих странах мы нашли много истинных друзей.

Опять приехали в Прагу, и там нам устроили торжественную встречу с цветами, речами.

На мою долю выпало много успеха, и чем дальше на запад, тем этот успех становился больше.

В славянских странах жили Россией и знали всё про Театр и про всех нас, актёров, по журналам, письмам и рассказам многих бывавших в России. В этих странах было как бы продолжение наших гастролей по русской провинции: Киеву, Одессе — так же по-провинциальному радушно, широко, шумно, восторженно, по-праздничному разодето.

Вначале зарабатывать могла только я, и каждая вещь доставалась трудом; и как научились мы ценить теперь какие-нибудь дешёвенькие, но по ноге башмаки и новые, целые костюмы. Перед тем как купить что-нибудь, нам приходилось сообща прикидывать, рассчитывать, «перетягивать» наш бюджет. Но когда мы заметили, что ты тоже стал беспокоиться нашими недочётками и спрашивать иногда по пустякам: «Мама, а мы можем это купить? Мама, а не дорого это для нас? Мама, хватит нам?» — у меня перерачивалось сердце, и мы уговорились не говорить при тебе о наших материальных заботах и расчётах, чтобы не засорять твоё детство этими тяжкими заботами, не приучать тебя отдавать этой стороне жизни главного, постоянного внимания.

Старались мы все очень для тебя, жили, обернувшись всё время к тебе. «Как короли-маги», — говорил Сарс. В нечистых, неудобных комнатах дешёвых гостиниц славянских стран старались мы создать «дом» для тебя.

Люди лучше, когда они бедны, и наша «кучка», как прозвал нас Папс, была тогда такая милая, в эти бедные дни.

Много, много видели мы за эти годы. Много радости, успеха, денег, помощи, дружбы, много и горя, и забот, и лишений, и нужды, и вражды, и разочарований; всего было. Мир, жизнь, люди — всё менялось на глазах, как в балете при перемене декораций. И всё это разнообразие и радостное и скорбное пришлось пережить.

Цит. по: Германова М. Н. Мой ларец // Диаспора. Т. I. Новые материалы. — Париж; СПб., 2001.

И. А. Ильин*

Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в лёгкий, далёкий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и лёгкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная *свобода*, внутренняя ширь, осознание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутренней свободе, мы дышим ею, мы от природы несём её в себе, и все её дары, и все её опасности: и дары её — способность из глубины творить, беззаветно любить и гореть в молитве; и опасности её — тягу к безвластью, беззаконию, произволу и замешательству... *Нет духовности без свободы*; и вот, благодаря нашей свободе пути духа открыты для нас: и свои, самобытные; и чужие, проложенные другими. *Но нет духовной культуры без дисциплины*; — и вот, дисциплина есть наше великое задание, наше призвание и предназначение. Духовная свобода дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога.

...Не разрешена ещё проблема русского национального характера; ибо доселе он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом. Столетиями строили его монастырь и армия, государственная служба и семья. И когда удавалось им их дело, то возникали дивные, величавые образы: русские подвижники, русские воины, русские бессребреники, претворявшие свой долг в живую преданность, а закон — в систему героических поступков; и в них *свобода и дисциплина становились живым единством*.

...Россия одарила нас огромными природными *богатствами*, и внешними, и внутренними; они неисчерпаемы. Правда, они далеко не всегда даны нам в готовом виде: многое таится под спудом; многое надо добывать из-под этого спуда. Но знаем мы все, слишком хорошо знаем, что глубины наши, — и внешние, и внутренние, — обильны и щедры. Мы родимся в этой уверенности, мы дышим ею, мы так и живём с этим чувством, что «и нас-то много, и у нас всего много», что «на всех хватит, да ещё и останется»; и часто не замечаем ни благостности этого ощущения, ни сопряжённых с ним опасностей...

От этого чувства в нас разлита некая душевная доброта, некое органическое ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность. Русская душа легка, текуча и певуча, щедра и нищелюбива, — «всем хватит и ещё Господь пошлёт»... Да, благодушен, лёгок и даровит русский человек: из ничего создаст чудесное; грубым топором — тонкий узор избяного украшения; из одной струны извлечёт и грусть, и удаль <...>

Россия поставила нас лицом к лицу с природой, суровой и захватывающей, с глубокой зимой и раскалённым летом, с безнадежной осенью и бурной, страстной весной. Она погрузила нас в эти колебания, растворила с ними, заставила нас жить их властью и глубиной. Она дала нам почувствовать разлив вод, безудерж ледоходов, бездонность омутов, зной засухи, бурелом ветра,

---

* И. А. Ильин (1883—1954) — философ, религиозный писатель, правовед, публицист. В 1922 г. был выслан из России. Один из организаторов Русского научного института в Берлине, член берлинского Союза русских писателей и журналистов, основатель Общества охранения русских культурных ценностей в Париже.

хаос метелей и смертные игры мороза. И души наши глубоки и буреломны, разливы и бездонны и научились во всём идти до конца и не бояться смерти.

Нам стал, по слову Тютчева, «родим древний хаос»; и «безглагольные речи» его стали доступны и понятны нашим сердцам. Нам открылся весь размах страстей и все крайности верха и низа, «самозабвенной мглы» и «бессмертного солнца ума» (Пушкин), сонной вялости и буйной одержимости, бесконечной преданности на смерть и неугасимой ненависти на всю жизнь. Мы коснулись, в лице наших Святых, высшей, ангельской праведности; и сами изведали природу последних падений, безумства, злодейства и сатанинства. Из этих падений мы вынесли всю полноту покаяния и всю остроту совестных угрызений, сознание своего «ничтожества» и близость к смирению... Перед революцией — хлыстовское начало захватило русскую интеллигенцию: возникло хлыстовское искусство, хлыстовская философия, хлыстовская политика — политика вседоступности и вседозволенности... И воцарилась смута, и всё пошло верхним концом вниз...

Но соблюдем же наши дары и одолеем наши соблазны. *Чувство беспредельности*, живой опыт ночной стихии, дар пророческой одержимости — дала нам наша родина <...>

Всем тем Россия дала нам религиозно-живую, *религиозно-открытую душу*. Издревле и изначально русская душа открылась Божественному и восприняла Его луч; и сохранила отзывчивость и чуткость ко всему значительному и совершенному на земле.

«Нет на земле ничтожного мгновенья», сказал русский поэт; и к испытанию, к удостоверенью этого нам даны живые пути. За обставшими нас, «всегда безмолвными предметами» нам дано осязать незримое присутствие живой тайны; нам дано чутать веяние «нездешнего мира». И наши поэты, наши пророки удостоверили нам, что это духовное осязание нас не обманывает: орлим зраком видели они воочию эту «таинственную отчизну» и своё служение осмысливали сами, как *пророческое*.

Что есть жизнь человека без этой живой глубины, без этой «осиянности и согретости» внутренним светом? Это — земное без Божественного; внешнее без внутреннего; видимость без сущности; оболочка, лишённая главного; пустой быт, бездыханный труп, повапленный гроб; суета, прах, *пошлость*...

Из глубины нашего Православия родился у нас этот верный опыт, эта уверенность, что *священное есть главное в жизни* и что без священного жизнь становится унижением и *пошлостью*; а Пушкин и Гоголь подарили нам это клеймящее и решающее слово, которого, кажется, совсем не ведают другие языки и народы <...>

Созерцать научила нас Россия. В созерцании наша жизнь, наше искусство, наша вера <...>

У зрячего глаза прикованы к дали; у слепого очи уходят вглубь.

О, эти цветущие луга и бескрайние степи! О, эти облачные цепи и гряды, и грозы, и громы, и сверкания! О, эти тёмные рощи, эти дремучие боры, эти океаны лесов! Эти тихие озёра, эти властные реки, эти безмолвные заводы! Эти моря — то солнечные, то ледяные! Эти далёкие, обетованные, царственные горы! Эти северные сияния! Эти осенние хороводы и побег звёзд! От вас прорзели наши вещи художники. От вас наше видение, наша мечтательность, наша песня, наша созерцающая «лень» <...>

Красота учит созерцать и видеть. И тот, кто увидел красоту, тот становится её пленником и её творцом. Он мечтает о ней, пока не создаст её; а создав

её, он возвращается к ней мечтой за вдохновением. Он вносит её *во всё*: и в молитву, и в стены Кремля, и в кустарную ткань, и в кружево, и в дела, и в поделки. От неё души становятся тоньше и нежнее, глубже и певучее; от неё души научаются видеть себя, своё внутреннее и сокровенное. И страна даёт миру духовных ясновидцев.

...Россия дала нам богатую, тонкую, подвижную и страстную *жизнь чувства*.

Что есть душа без чувства? — Камень. — Но разве на одном чувстве можно строить характер народа? <...>

Носясь без руля и без ветрил, по воле «чувств», наша жизнь принимает обличие каприза, самодурства, обидчивости, подполья, неуравновешенности и ожесточённости. Но сочетаясь с природной добротой и с мечтой о беспредельности, она создаёт чудные образы добродетели, гражданской доблести и героизма.

Вот она — эта удобообразованность русской души: способность умилиться без сентиментальности; простить от всей души; закончить грешную разбойную жизнь подвижничеством. Вот она — русская воля к совершенству: способность к монашескому целомудрию, содержимому втайне; поиски отречения и тишины; простота и естественность в геройстве; верность и стойкость перед лицом мучений и смерти; предсмертная схема русских царей... Вот оно — русское мечтание о *полноте и всецелости*: это всенародное христосование на Пасху; это собиранье всех людей, всех сословий и всех земель русских под единую руку; эта кафоличность веры; эти юношеские грёзы о безусловной справедливости; эти наивные мечты о преждевременном и непосильном братстве всех народов... Вот она — эта склонность русского народа взращивать те общественные формы, которые покоятся на братстве или зиждутся *жертвою и любовью*: приход, артель, землячество; монастыри; человеколюбивые учреждения, рождающиеся из жертвы; монархический уклад, немислимый без жертвенной любви к родине и к царю <...>

Есть чему поучиться Западу у русского Востока. Есть непреходящая мудрость и доблесть в нашей истории <...>

И пусть не говорят, что «русская культура началась всего лишь один век тому назад», что русский народ малограмотен, что он и думать-то как следует не научился... Духовная культура совсем не исчерпывается культурой рассудочной; напротив, от плоского и самоуверенного рассудка истинная культура разлагается и гибнет. Но есть ещё *культура сердца, совести и чувства*, есть культура созерцания, видения; есть культура служения, самоотречения и жертвенности; есть культура веры и молитвы; есть культура храбрости и подвижничества. Этой-то культурой строилась и держалась Россия. И когда она, позже других народов, приступила к разумному и научному оформлению своих, накопленных в духе, богатств, — то ей было откуда черпать свои содержания; и самобытность её созданий прославилась по всему миру.

Пусть же неосведомлённые и духовно слепые люди, выше всего ставящие умственную полуобразованность массы, говорят о мнимой «некультурности» России. На самом деле Россия есть страна древней и самобытной духовной культуры.

<...> И ещё один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий *язык*.

В нём вся она, — наша Россия. В нём все дары её: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и неж-

ность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Всё доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному и потому властен всё выразить, изобразить и передать.

В нём гудение далёких колоколов и серебро ближних колокольчиков. В нём ласковые шорохи и хрусты. В нём травяные шелесты и вздохи. В нём клёкот, и грай, и свист, и щебет птичий. В нём грома небесные и рыки звериные; и вихри зыбкие, и плески чуть слышные. В нём вся поющая *русская душа*: эхо мира, и стон человеческий, и зеркало божественных видений <...>

Пока звучит он, в своей неопикуемой музыкальности, в своей открытой чёткой, честной простоте, в своей скромности, в коей затаилась великая власть, в своём целомудрии, в своей кованности и ритмической гибкости, — кажется, что это звучат сами именуемые предметы, знаменуя о самих себе и о том большем, что скрыто за ними. А когда смолкают его звуки, столь властные и столь нежные, — то водворяется молчание, насыщенное высказанными несказанностями <...>

Это язык острой, режущей мысли. Язык трепетного, рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчеств. Язык неуловимых прозрачностей и вечных глаголов.

Это язык зрелого самобытного национального характера. И русский народ, создавший — этот язык, сам призван достигнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовёт его — его язык <...>

Горе нам, что не умели мы беречь наш язык и бережно растить его, — в его звучании, в его закономерной свободе, в его ритме и в ризах его органически выросшего правописания. Не любить его, не блюсти его, — значит не любить и не блюсти нашу Родину.

А что есть человек без Родины?

Чем были бы мы, если бы кому-нибудь удалось оторвать нас от нашей России?

Пусть же другие народы поймут и запомнят, что им только тогда удастся увидеть и постигнуть Россию, когда они познают и почуют нашу речь. А до тех пор Россия будет им непонятна и недоступна; до тех пор они не найдут к ней ни духовного, ни политического пути.

Цит. по: Ильин И. А. О России // Литература русского зарубежья. Антология. — М., 1997. — Т. 3.

Г. И. Газданов*

И когда я думал о том, как нелепо сложилась моя жизнь за границей, передо мной тотчас же вставало первое время моего пребывания в Париже, когда я работал на разгрузке барж в Сен-Дэни и жил в бараке с поляками; это был преступный сброд, прошедший через несколько тюрем и попавший, наконец, туда, в Сен-Дэни, куда человека мог загнать только голод и полная невозможность найти какую-либо другую работу. Никто из них не знал по-французски, так же как не знали этого языка и другие — двое русских, приехавших с немецких шахт, один беглый испанец, несколько португальцев и маленький итальянец с нежным лицом и белыми руками, тоже неизвестно

---

* Г. И. Газданов (1903—1971) — писатель, прозаик, литературный критик.

почему попавший из Милана во Францию, — мои товарищи по работе. Когда мы выстроились утром, пришёл директор, полный мужчина с заплаканными глазами под золотым пенсне; он осмотрел нас и потом сказал шефу, который его сопровождал:

— Это просто беглые каторжники.

<...> Мне вскоре, однако, пришлось вернуться туда, на этот раз в депо северных железных дорог Франции, куда я поступил мыть паровозы. Когда мне сказали впервые «мыть паровозы», я был удивлён, я не знал, что их моют; потом выяснилось, что эта работа заключалась в промывании внутренних труб паровоза, на которых образовывались отложения. Эта работа была нетрудная, но неприятная; она происходила в открытом помещении, зимой вода была ледяная, и после первого же часа я обычно промокал с головы до ног, как если бы попал под проливной дождь; и в январские и февральские дни нельзя было не мёрзнуть от этого; к концу рабочего дня у меня начинали стучать зубы. Я согревался только в бараке, который был значительно чище на этот раз и всегда жарко натоплен. Он был населён исключительно русскими; среди них я узнал одного моего старого знакомого, которого я в прежние времена встречал в Севастополе, это был партизанский атаман, человек довольно незаурядный. В давние времена он был мастером на Обуховском, кажется, заводе в России, затем, в гражданскую войну, сформировал в Сибири, куда он попал неизвестно почему, партизанский отряд. В одном из очередных столкновений отряд был разбит частями красной армии и Макс — его звали Макс — был взят в плен. Ему удалось, однако, бежать, и он пешком добрался из Сибири в Крым. Теперь я встретил его в этом депо, — он был тогда высоким стариком с бритой головой и чёрными улыбающимися глазами. Не зная почти ни слова по-французски, он получал в час примерно столько, сколько я получал в день, и когда я его спросил о причине такого жалованья, он ответил, что французы вообще о работе не имеют представления и что их мастера никуда не годятся, а он, Макс, профессиональный русский мастер, — это вроде как ихний главный инженер. Он рассказывал, что, когда он поступал, его подвергли разным испытаниям и после этого, не споря, назначили ему максимальный оклад; он не имел определённой работы, его звали всюду, где что-нибудь не ладилось. Он починял электричество, вытачивал на станке какие-то сломанные части машин, производил необходимые расчёты и в общем работал не спеша и презрительно поплёвывая на пол. Он был страстным любителем поэзии <...>

И он стал рассказывать мне, что когда был молодым, то очень много читал и всем интересовался. Потом он меня спросил, имею ли я какое-нибудь представление о литературе и читал ли я когда-нибудь стихи. Услышав мой ответ, он обрадовался, даже приподнялся с койки и сказал, что завтра вечером, в субботу, он поведёт меня в одно место и там мы поговорим о поэзии <...>

Потом он спросил меня, знаю ли таких поэтов — он назвал десяток имён. Я кивал головой. Он прочёл вслух несколько стихотворений, у него была хорошая память; он читал стихи, закрыв глаза и покачиваясь, с необыкновенным чувством, но так, как их читают обычно актёры, то есть забывая о ритме и подчёркивая только смысловую последовательность <...>

В те времена я имел о Париже очень приблизительное представление, и вид этого города ночью неизменно поражал меня, как декорации гигантского и почти безмолвного спектакля, — длинные линии фонарей на уходящих бульварах, мёртвые их отблески на неподвижной поверхности канала St. Martin,

едва слышное лепетание листьев на каштанах, синие искры на рельсах метро там, где оно проходит над улицами, а не под землёй. Теперь, когда я знаю Париж лучше, чем любой город моей родины, мне нужно сделать над собой большое усилие, чтобы вновь увидеть этот его почти исчезнувший, почти потерянный облик. Но зато вид его предместий остался таким же; и я не знаю ничего более унылого и пронзительно печального, чем рабочие предместья Парижа, где, кажется, в самом воздухе стелется вековая, безвыходная нищета, где жили и умерли целые поколения людей, жизнь которых по будничной своей безотрадности не может сравниться ни с чем, — разве только с окрестностями Bd Sebastopol, где столетиями стоит запах гнили и где каждый дом пропитан этим невыносимым зловонием. Постоянное моё любопытство тянуло меня к этим местам, и я неоднократно обходил все те кварталы Парижа, в которых живёт эта ужасная беднота <...> Я никогда не знал бы много из того, что знаю, и половины чего достаточно, чтобы отравить навсегда несколько человеческих жизней, если бы мне не пришлось сделаться шофёром такси. До этого, однако, я был рабочим, потом студентом, потом служащим, потом занимался преподаванием русского и французского языков, и только после того, как выяснилась для меня совершенная несущественность этих занятий, я сдал экзамен на знание парижских улиц и управление автомобилем и получил необходимые бумаги.

Работа на фабрике оказалась для меня невозможной не потому, что была особенно изнурительной; я был совершенно здоров и почти не знал физической усталости, особенно после моего стажа в Сен-Дени. Но я не мог выдерживать этого постоянного заключения в мастерской, я чувствовал себя как в тюрьме и искренне недоумевал: как могут люди всю жизнь, десятки лет жить в таких условиях? Правда, этому предшествовали чаще всего целые поколения их предков, всегда занимавшихся физическим трудом, — и никогда, ни у одного из профессиональных рабочих я не замечал протеста против этого невыносимого существования; всё их возмущение чаще всего сводилось к тому, что они считали свой труд недостаточно оплачиваемым, но против принципа этого труда они не восставали, эта мысль никогда не приходила им в голову. Я ещё не знал в те времена, что разные люди, которых мне приходится встречать, отделены друг от друга почти непереходимыми расстояниями; и живя в одном городе и одной стране, говоря на почти одинаковых языках, так же далеки друг от друга, как эскимос и австралиец. Я помню, мне никак не удавалось объяснить моим товарищам по работе, что я поступаю в университет, они не могли этого понять <...>

Несмотря на то, однако, что я был совершенно чужд этим моим товарищам по работе — фрезеровщикам, сверлильщикам, слесарям, — у меня с ними были прекрасные отношения, и в чисто человеческом смысле они были во всяком случае не хуже, а часто даже лучше, чем с представителями других профессий, с которыми мне пришлось сталкиваться, и, во всяком случае, честнее. Меня поражало, мне не могло не импонировать то весёлое мужество, с которым они жили. Я знал, что то, что мне казалось каторжным лишением свободы, было для них нормальным состоянием, в их глазах мир был иначе устроен, чем в моих <...> Резкую разницу, которая была между ними и мной и которая невольно подчёркивала несуразность моего положения, мою неуместность на фабрике, я старался сглаживать, как мог <...> И вот тем, что я по внешнему облику начал совершенно походить на рабочего, я навлёк на

себя презрительное неудовольствие одного из моих соседей, высокого чернобородого человека, приходившего в мастерскую в своём синем штатском костюме с университетским значком. Он был русский, кончивший юридический факультет в Праге. Костюм его лоснился и был неправдоподобно неприличен, в бороде всегда застревали железные стружки так же, как в его спутанных волосах. У него было худое скуластое лицо с большими глазами; он вообще был похож на один из портретов Достоевского, который, кстати сказать, был его любимым автором. Рабочие и особенно работницы издевались над ним; расстраивали установку его сверлильного станка, прицепляли ему сзади на спину бумажные хвостики, говорили ему, что его вызывает начальник мастерской, который и не думал этого делать. Он плохо знал по-французски и многого не понимал из насмешек его товарищей по работе. Но относился он ко всему этому с совершенно стоическим презрением, и только иногда, по его глазам, было видно, как тяжело ему это. Мне было жаль его, я несколько раз вмешивался и объяснял, что стыдно издеваться над человеком, который не в состоянии ответить. Но они, с детской жестокостью, через некоторое время снова начинали свои приставания. Во время таких споров он обычно стоял в стороне, молчал, и только глаза его, вообще очень выразительные, следили за всеми нами. Со мной он никогда не разговаривал. Но потом, однажды, он подошёл ко мне и спросил, правда ли, что я русский, и, узнав это, сказал:

— И вам не стыдно?

— Чего же я должен стыдиться? — спросил я с недоумением.

И он объяснил мне, что позор мой — он так и сказал — позор — заключается в том, что меня нельзя никак отличить от рабочего.

— Вы так же одеваетесь, как они, носите такие же шарфы, такую же кепку, словом, у вас такой же хулиганский и пролетарский вид, как у них.

— Вы меня извините, — сказал я, — но ведь лучше иметь рабочее платье и переодеваться, чем ходить в нецелесообразном костюме, у которого, может быть, есть то достоинство, что он сразу отличает вас от других рабочих, но ведь это всё, вот уже полгода, один и тот же костюм, и он, мягко говоря, успел очень запачкаться. Это мне кажется недостатком.

— Судя по вашей манере говорить, вы человек интеллигентный, — сказал он, — как же вы не понимаете, что всё это не важно, а важно сохранить человеческую сущность.

— Я не считаю, что чистый костюм является для этого таким препятствием.

Но он произнёс целую речь о том, что «бытие определяет сознание» и что против этого надо протестовать всеми силами. Рабочих он не считал за людей и безгранично презирал. Потом он сказал, что революция у него отняла всё, но что у него осталось нечто, бесконечно более ценное и недоступное тем, кто сидит теперь в его доме, в Петербурге, — Блок, Анненский, Достоевский, «Война и мир». Никакие возражения не могли его поколебать, и я на них не настаивал; я понимал, как мне казалось, что это было действительно единственное его богатство и, кроме этого, у него решительно ничего не было на свете. И несмотря на то что он не был способен понять некоторые элементарнейшие вещи, я не мог не почувствовать невольного уважения к этому человеку, видевшему только одну сторону мира; всё-таки то, что он так любил, заслуживало и отречения и жертв. Зато он был совершенно чужд общих сожалений, характерных для таких же бывших людей, как он, которые я слы-

шал и читал тысячу раз и которые, главным образом, сводились ко вздохам о потерянном житейском благополучии самого мелкого свойства. <...>

В этом ночном Париже я чувствовал себя путешественником, попавшим в чуждую ему стихию; и во всём громадном городе было два или три места, как освещённые островки в тёмном пространстве, — куда я приезжал каждую ночь, примерно в одни и те же часы; и, входя в своё кафе, я казался самому себе похожим на гребца небольшой лодки, которая после долгой качки на волнах причалила наконец к маленькой пристани — и вот я выхожу из неё и вместо моря и портового кабачка вижу освещённый тротуар и запотевшие стёкла кафе против заснувшего вокзала и колёса моего автомобиля, затянутые тормозами. <...>

Думая об этом времени, я часто вспоминал те рисунки, которые представляют вертикальный разрез мотора или машины. Благодаря неисчислимым случайностям, в которые входили с равным правом и исторические события, и соображения географического порядка, и всевозможные мелочи, — их нельзя было ни учесть, ни предвидеть, ни даже представить себе вероятность их возникновения, — вышло так, что моя жизнь проходила одновременно в нескольких областях, не имевших никакого соприкосновения друг с другом. Нередко, на протяжении одной и той же недели, мне приходилось присутствовать на литературном и философском диспуте, разговаривать вечером в кафе с бывшим министром иностранных дел одного из балканских государств, рассказывавшим дипломатические анекдоты, обедать в русском ресторане с бывшими людьми, превратившимися в рабочих или шофёров, — и, с другой стороны, попадать в кварталы, заселённые мрачной парижской нищетой, беседовать с русскими «стрелками» или французскими бродягами, от которых следовало держаться на некотором отдалении, так как они все издавали резкий и кислый запах, и он был так же неизбежен и постоянен, как мускусная вонь известных пород животных; возить проституток, жаловавшихся на плохие заработки, стоять за цинковой стойкой, рядом с поминутно сменявшимися сутенёрами, моими знакомыми по Монпарнасу, и, наконец, сидеть часами, в глубоком и мягком кресле, в квартире Пасси и слышать, как женский голос — я знал его много лет и никогда не забывал ни одной его интонации — говорил:

— Напомните мне эту фразу, которую вы недавно цитировали, это, кажется, из Рильке, о чувстве. Чувства — это единственная область, которую вы немного знаете, в остальном вы слепы и глухи. <...>

Я часто думал, что в жизни, которую мне пришлось вести, самой главной и неизменной особенностью — всегда и всюду — была неверность дальнейшего, его неизбежная неизвестность. Точно так же, как в других странах, где я был то бродягой, то солдатом, то гимназистом, то невольным путешественником, я никогда не знал, что со мной случится и окажусь ли я, в результате всех чудовищных смещений, которых я был свидетелем и участником, — в Турции или в Америке, во Франции или в Персии, — так же и здесь, в Париже, несмотря на монотонность одной и той же работы, я каждый день испытывал такое ощущение, какое испытывал бы, следя за ручьём, теряющимся в пещерах. В течение долгих ночных лет через моё существование проходили люди, вместе с которыми я проезжал известное пространство, иногда большое, иногда маленькое, и тем самым случайный пассажир становился моим спутником на короткое время; и в минуты этой поездки нам обоим в одинаковой степени угрожала или не угрожала очередная автомобильная катастрофа... Но

поездки кончались благополучно, и все эти мои клиенты терялись в темноте; у каждого из них была своя, неизвестная мне жизнь, которую я пересекал вслепую, за несколько минут нашего совместного путешествия. Так было всегда — и поэтому судьба людей, которую мне было дано узнать до конца, так невольно и властно притягивала меня... В том огромном и безмолвном движении, увлекавшем меня, точно в клубящейся мгле, ежедневно рождающегося и умирающего мира, в котором, конечно, не было понятий о начале и конце, как не было представления о смысле и направлении, — и могучий, неостанавливающийся и неприятный мне ритм которого я бессильно ощущал, — всякая жизнь, укладывавшаяся в какие-то привычные и условно неправильные схемы — завязка, развитие, конец — остро интересовала меня, и всякое событие, имевшее отношение к этим вещам, навсегда запечатлевалось в моей памяти, одновременно с часом дня или ночи, когда оно происходило, запахом воздуха, лицами людей, окружавших меня, сидевших в кафе или проходивших по улице.

Цит. по: Газданов Г. Ночные дороги // Вечер у Клэр. — М., 1990.

Г. П. Федотов*

Стоять на высоте не всегда удобно и безопасно. Головокружение нередко отравляет радость развёртывающихся далей. А если человек поднялся не для бескорыстного созерцания, а для работы, то ему — кровельщику на соборном шпиле — угрожает вполне реальная опасность свалиться в пропасть.

Русская эмиграция судьбой и страданием своим поставлена на головокружительную высоту. С той горы, к которой прибило наш ковчег, нам открылись грандиозные перспективы: воистину «все царства мира и слава их» — вернее, их позор. В мировой борьбе капитализма и коммунизма мы одни можем видеть оба склона — в Европу и в Россию: действительность как она есть, без румян и прикрас. Мы на себе, на своей коже испытали прелесть обеих хозяйственных систем. Кажется, будто мы и призваны быть беспристрастными свидетелями на суде истории.

Но это лишь кажется, это совсем не так. Мы не свидетели, а жертвы истории. Может ли сын, потерявший мать, быть беспристрастным свидетелем в суде над её убийцей? Есть священный эгоизм горя, который ослепляет. Мы ходим в кровавом тумане, где теряются для нас очертания реальностей. И когда, не довольствуясь плачем Иеремии, мы пытаемся что-то делать, как-то исполнить сыновний долг, наши руки производят неловкие жесты, наши ноги скользят, и в ослеплении благородных страстей мы наносим новые раны России.

Помимо кровавого тумана в собственных глазах, нас ослепляет двойной свет, излучающийся из Европы и России. В неверном, сумеречном этом свете возникают двойные тени двойных истин. Двойные истины дают двойную

---

* Г. П. Федотов (1886—1951) — религиозный мыслитель, историк и публицист. С 1925 г. за рубежом, профессор Русского православного богословского института в Париже (до 1940), Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке. Один из основателей журнала «Новый град» (1931—1939).

ложь. Но, чтобы жить и действовать, надо бороться с призраками. Надо воспитывать трезвую ясность сознания. Для этого есть только одно средство — кроме этического очищения страстей: надо приучиться видеть Россию в русском свете, а Европу в европейском, не путая безнадежно нашего двойного опыта.

Русское несчастье в том, что Россия и Европа живут в разные исторические дни. Я не хочу сейчас говорить о том, что разделяет Россию от Европы сущностно — изначально и навсегда. Нет, на том самом отрезке пути, на котором мы идём вместе, — послепетровском пути России — мы с Европой разошлись так далеко, что и голоса человеческого не слышать из-за рубежа. Эта пропасть вырыта самим фактом коммунистической революции.

Россия поднята на коммунистическую дыбу. Во имя коммунизма в России истребляют миллионы, отменяется христианство и культура, воцаряется всеобщая нищета вокруг индустриальных гигантов-монастырей. Европа тоже тяжело больна, но совсем не коммунизмом. Имя её болезни: капитализм — в плане экономическом, национализм — в плане политическом. Из соединения этих двух ныне разрушительных сил рождается хаос, накапливается ненависть, готовятся потрясения грядущих войн и революций. Это такая простая, детская истина, что не видеть её может только наше «священное» безумие. Но отсюда происходят все наши трагические недоразумения.

Русская эмиграция, пережившая величайшую революцию, выносившая в себе кровный (и до известной степени оправданный) антиреволюционный опыт, очутилась на Западе, который живёт накануне революции — во всяком случае, в предреволюционных настроениях. Может быть, революции здесь и не будет, может быть, её удастся предотвратить — смелым и быстрым строительством новой жизни. Но остаётся бесспорной — устремлённость Запада к новым формам жизни, муки родов его.

Цит. по: Федотов Г. П. Россия, Европа и мы // Собр. соч. В 12 т. — М., 2012. — Т. 4.

С. Н. Лифарь*

С Шаляпиным, с великим Шаляпиным я познакомился только в 1926 году, но любил его, предчувствовал и даже знал и чувствовал гораздо раньше. Полюбил я его, когда мне было десять лет: концерт Шаляпина в Киеве был первым моим художественным впечатлением, и впечатлением таким сильным, что оно заставило меня буквально сходить с ума от восторга и бредить им. И когда — в первый мой приезд в Париж из Монте-Карло в 1923 году — был объявлен «Борис Годунов» с Шаляпиным по высоким ценам, я, мальчик из кордебалета дягилевской труппы, несколько дней отказывал себе во всём, чтобы купить билет в 50 франков «на Шаляпина». Спектакль был отменён, — эта отмена была для меня настоящим горем.

---

* С. Н. Лифарь (1905—1986) — танцовщик, балетмейстер. В 1923—1929 гг. выступал в труппе Русский балет Дягилева (Париж). В 1930—1977 гг. (с перерывами) — балетмейстер, солист (до 1956) и педагог Гранд-опера. Сыграл значительную роль в возрождении искусства балета во Франции. Основал в Париже Институт хореографии (1947). Страстный коллекционер книг. Особое место в его библиотеке занимало пушкинское наследие.

Тогда я только любил и предчувствовал Шаляпина, предчувствовал его гений и силу — влияние могучего артистического гения на всех артистов всего мира, а значит, и на себя...

Вскоре я почувствовал трепетание его крыльев в своей душе, и это трепетание направляло мои художественные искания и в какой-то мере предопределяло мой путь...

Знать и чувствовать большого, громадного и громадно-русского человека — Шаляпина я стал задолго до знакомства с ним — по рассказам С. П. Дягилева. Дягилев много рассказывал о Шаляпине, о своих встречах и сотрудничестве с великим артистом. Особенно волнующими были воспоминания Дягилева о первом выступлении Шаляпина в парижской Grand Opera в 1908 году, в первый, оперный, дягилевский сезон в Европе.

Генеральная репетиция «Бориса Годунова» прошла блестяще — на следующий день должен был состояться первый спектакль — премьера шаляпинского «Бориса Годунова» в Европе, и Дягилев, после генеральной репетиции, был спокоен за судьбу этого спектакля — откровения русского искусства миру.

Вечером неожиданно приходит в отель к Дягилеву Шаляпин — громадный, бледный, взволнованный Шаляпин:

— Я завтра не смогу петь... У меня трак. Боюсь... Не звучит...

И действительно, голос у Фёдора Ивановича, когда он произносит эти отрывистые фразы (Шаляпин часто говорил отрывистыми фразами), не звучит. Бессильно садится Шаляпин — его трясёт лихорадка творческого волнения и скрытого ожидания творческого мига, который будет завтра.

Дягилев всеми силами старается успокоить, разговорить, развеселить Шаляпина, прогнать детский страх большого человека — всё напрасно: и тело, и душа, мускулы души у Шаляпина ослабли... Весь вечер они провели вместе в отеле, и только под конец Шаляпин стал покойнее, увереннее... Пора уходить. Шаляпин подымается, прощается с Дягилевым — и тут снова беспокойство, страх и бессилие овладевают им, — он не может уйти, боится остаться один, без поддержки и без ограды Дягилева:

— Я останусь у тебя, Серёжа, я переночую здесь где-нибудь на стуле у тебя.

И Шаляпин проводит беспокойную, неудобную тревожно-лихорадочную ночь в салоне Дягилева, примостившись на маленьком диванчике, который был по крайней мере в два раза меньше громадного Фёдора Ивановича.

На следующий день состоялась премьера «Бориса Годунова» — Парижу, а через Париж — столицу мира и всему миру было открыто новое русское чудо — чудо шаляпинского «Бориса Годунова», которое до тех пор было известно только одной России. Но и Россия не видела ещё такого «Бориса Годунова»: Дягилев для парижской постановки оперы Мусоргского извездил всю крестьянскую Россию, собирая настоящие русские сарафаны, настоящий старый русский бисер и старинные русские вышивки, и представил Парижу подлинную Русь конца XVI века; а Шаляпин пел и воплощал Бориса Годунова на этой памятной парижской премьере так, как, может быть, никогда до того...

Спектакль, по словам Дягилева, невозможно было описать. Париж был потрясён. Публика в холодно-нарядной Опере переродилась: люди взбирались на кресла, в исступлении кричали, стучали, махали платками, плакали в несдержанно-азиатском, а не в сдержанно-европейском восторге. Русский гений завоевал столицу мира и весь мир. Европа приняла в себя, впитала Мусоргского,

его «Бориса Годунова» (который и по сей день не сходит со всех европейских и американских сцен) и приняла, впитала в себя Шаляпина, его громадное чудо, его громадный гений. Все артисты всего мира — и не одни оперные артисты, и не в одном «Борисе Годунове» — стали подражать Шаляпину, стали учиться у Шаляпина: после «Бориса Годунова» во всём мире стали петь и играть иначе, не так, как до Шаляпина. Появилось множество, может быть, слишком большое множество маленьких Шаляпиных — нет, не Шаляпиных, а шаляпиных, кото рых громадная бездна отделяла от великого и единственного творца — Шаляпина: они усвоили, переняли, одни лучше, другие хуже, внешние приёмы Шаляпина, его маску (и это было иногда уже много), но не поняли той тайны шаляпинской магии, которая приводила в экстаз зрителя и слушателя, — тайны шаляпинского творческого ритма.

Всем известны анекдоты о скандалах Шаляпина на репетициях и на самых спектаклях, о его бурных столкновениях-стычках с режиссёрами, дирижёрами и с артистами и исполнителями. Не касаясь и не оправдывая этической стороны и внешней формы этих стычек, которая меня просто не интересует и кажется мне совершенно неважной, хотя и она говорит о натуре Шаляпина, я хочу отметить их неизбежность и их творческое начало. В Шаляпине была особенная гениальная интуиция, которой он покорялся всем своим существом, и совершенно особенное чувство ритма, своего, не похожего ни на какое другое чувство ритма, какое есть у понимающего по-своему произведения великих творцов Тосканини, такое, какое есть у всякого настоящего, большого артиста-творца-исполнителя. Когда Шаляпин выходил на сцену, это ритмически-творческое начало овладевало им, он весь преображался и перевоплощался в свою роль, индивидуально и интуитивно-гениально понимаемую им, — и для него были творчески-неизбежны свои паузы, свои остановки, свои ускорения и замедления. Этого не понимали другие исполнители, не подчинявшиеся художественной диктатуре Шаляпина, который не только не был самодуром-диктатором, но не мог бороться с высшей диктатурой и, безусловно, подчинялся ей — диктатуре своего собственного гения, который владел самим Шаляпиным. Шаляпин в своей интерпретации-воплощении роли исходил из подчинения гениально-творческой интуиции и темпераменту, маленькие шаляпины исходили из созданий Шаляпина и ещё больше — из его приёмов, из его методов, принципиально более всего спорных и часто ложных: самовольное, а не творчески-необходимое нарушение художественной воли творца музыкального произведения ни в каком случае не может быть оправдано. Певцы, не обладавшие ни голосом, ни гением Шаляпина, стали ему подражать в самом лёгком — в жертву драматической выразительности они приносили музыкальную экспрессию и играли драматически — шепотком, восклицаниями, говорком — и там, где они по музыкальной партитуре могли и должны были достигать того же эффекта чисто музыкальными средствами и подчинением воле композитора.

Триумфальный весенний лондонский сезон 1927—1928 годов «Русского балета» Дягилева и спектаклей в Covent Garden с Шаляпиным. Фёдор Иванович бывал постоянно на наших спектаклях, и после спектаклей мы все — с Шаляпиным и Дягилевым — отпраплялись ужинать в Savoy Grill. Дружески-весело и беспечно проходили эти интимные ужины: много шутили, много смеялись, соперничали в остроловии и остроумии, Дягилев небрежно-барски играл своим богатым умом, скрывая под снобистической улыбкой-усмешкой

юношески-горячее сердце, Шаляпин — в четверть голоса, но с какою мастерскою экспрессивностью! — пел — не для публики, а для друзей и для себя, для своего нутра, требовавшего этого выражения себя. Засиживались до поздней ночи — и всё не хотелось уходить, жаль было расставаться с тем полным жизни настроением, которым заражали друг друга. Первым вставал Дягилев:

— Ну, теперь пора и на покой!

Шаляпин потягивался, дышал полной грудью, как будто с воздухом вбирал в себя поток силы и бодрости, и как-то особенно полно, сочно, молодо и заразительно звучали его слова:

— Хороша жизнь! А!..

Особенно шаляпинским — как его передать? — было это «А!..».

За этими ночными ужинами я часто спрашивал Фёдора Ивановича, которому на следующий день надо было петь:

— Как вы можете так жить? Как вы не устаёте? Почему не бережёте своего голоса? Ведь вы завтра выступаете, а сегодня вы и пели, и много курили, и пили.

Фёдор Иванович на минуту задумывался:

— Эх! Нужно уметь жить и нужно жить!.. А что есть здесь, — и он сильно ударял по своей богатырской груди, — то выйдет само собой! Ты этого, понимаешь... как это, черт?.. этой изюминки не спрячешь... Эта штучка сама тебя потянет и вывезет... От этой штучки никуда не убежишь, и она сама за тебя всё скажет, если есть... Ну, а если нет, так ничего и нет, и никакими режимирами её не придумаешь и не вытянешь... Вот когда её не будет, — тогда крышка, конец всему!

И только что весело смеявшийся, Шаляпин вдруг становился задумчивым и грустным, и его светлые глаза (какие светлые и детские были глаза у Шаляпина!) смотрели в далёкую-далёкую даль, далеко за нас. О чём он думал? о чём тосковал?.. В мгновенных переходах Шаляпина от безудержности, бурности, бодрой радости к молчаливой, затаённой и утаиваемой грусти чувствовался внутренний надрыв, и чувствовалось, что он был глубок и неслучаен...

Я любил Фёдора Ивановича и с гордостью могу сказать, что и он меня нежно любил, но не имею права называть наши сердечные отношения дружбой. Нашей «дружбе» мешала не столько разница в возрасте — он был больше чем в два раза старше меня, — сколько моё благоговение с детских лет перед великим именем гениального артиста — «Шаляпин»! Всякий раз, как я встречался с Фёдором Ивановичем, у меня бывало чувство, что рядом с ним я мальчик: я робел, почти всегда молчал и только слушал его. А Фёдор Иванович любил говорить! Говорил он выразительно, увлекательно, заражал своим голосом и глубоким, подспудным жизненным током, против воли вырывавшимся наружу.

Шаляпин любил вспоминать свои «минувшие дни» и так увлекался своими воспоминаниями, что его рассказ переходил в игру: его актёрский дух переходил и в жизни в феномен творческого разряжения, лики Шаляпина-артиста и Шаляпина-человека то чередовались, то сливались в одном могучем образе.

Иногда Шаляпин начинал мечтать о новой школе искусства:

— Слушай, Сергей, мы с тобой должны создать академию и найти синтез нового искусства...

— Браво, Фёдор Иванович! В этой академии вы должны будете преподавать пластику и танцы — ведь вы лучший танцор нашего времени!..

Разговоры об «академии» начинались серьёзно и с увлечением, но мы никогда не успевали дойти до окончательной формы: вулканический темперамент Шаляпина увлекал его в фантазию, в нереальность, и отвлечённый разговор переходил в стремительную и изумительную по своей силе декламацию Шаляпина.

Цит по: Лифарь С. Н. О Шаляпине // Литература русского зарубежья. Антология. — М., 1998. — Т. 4.

П. А. Долгоруков*

Воспоминания о родине, тоска по ней, трепетная к ней любовь, надежда на возвращение в неё и желание работать над её возрождением — проходят красной нитью почти через все ученические работы учебных заведений, подвергшихся исследованию посредством классных сочинений на заданную тему <...>

Русские же учебные заведения сосредоточены главным образом в странах, граничащих с Россией, в которых осела главная масса беженцев, зачастую принадлежащих к остаткам военных контингентов. Некоторые учебные заведения, как, например, находящиеся в Сербии кадетские корпуса и институты, перенесены из России и, несмотря на значительные изменения, сохранили некоторую преемственность и традиции. Всё это надо иметь в виду при изучении ученических работ.

Родная школа является наравне с семьёй самым надёжным способом борьбы с денационализацией. Она поддерживает чувство родины у тех детей, которые вывезли его в своё изгнание, осмысливает и развивает его. Она своей атмосферой заражает любовью к родине и устремлением к ней тех детей, которые сами о ней ничего не помнят. Иногда патриотизм принимает в этих учебных заведениях несколько специфический характер. Например, совершенно естественно, что один кадет младшего возраста, пишущий, что его «папа был штабс-капитаном, а отец папы полковником в отставке», описывает, как он плакал, когда матрос срывал с него погоны. Другой пишет, что он плакал от радости и умиления, увидев на вошедших в город офицерах и солдатах белых войск кокарды и погоны.

Первая категория детей покинула Россию в раннем детстве годов 3—6. У них никаких непосредственных воспоминаний о России нет <...>

<...> Вторая категория детей, покинувших родину в возрасте от 6 до 10 лет, хотя и помнят Россию, но почти не знают нормальной, оседлой дореволюционной жизни или помнят лишь отдельные эпизоды <...> В общем же преобладает описание счастливого детства, резко потом нарушенного налетевшим шквалом революции. Изредка попадаются общие замечания: «Я жил до революции в N. Мне жилось там хорошо». «Раньше жилось лучше».

Ученица 4-го класса пишет: «Я родилась в деревне. Как я люблю её и хорошо помню. Помню громадный дом, реку, красивый сад и лес. Как я любила наши леса! Меня часто брал папа на дрожках и возил на сенокос. Но вскоре мы выехали, потому что началась революция». И много таких воспомина-

---

* П. А. Долгоруков (1883—1925) — князь, штаб-ротмистр, конно-гвардеец; участник Гражданской войны, общественный деятель.

ний: об оставленной старушке няне, о теплившейся лампадке, о собственной кровати, о домашнем уюте, о любимой кошке, о заросшем пруде, о папе и маме, «когда они ещё оба были живыми», о родительской ласке... о всём том потерянном рае, который ассоциируется в умах натерпевшихся впоследствии малолетних скитальцев с мыслью о родине. Они ведь потом почти не видели счастливого детства. Особенно резок контраст с последующей жизнью, полной страданий, ужасов, лишений. Все тетрадки наполнены описаниями прихода большевиков, пальбой, жизнью в подвалах, обысками, грабежами, голодом, очередями, скитаниями, холодом, тифом, расстрелами, пытками, кровью, разбрызганными мозгами, сиротством. «Было скучно, тоскливо, холодно», — пишет ученик 4-го класса. Ученик 3-го класса после описания гибели отца пишет: «Дальше я описывать не буду. Мне очень не хочется вспоминать о милой Родине и о покойном папе». В этих словах чувствуется тот душевный надлом, который так жестоко отозвался на стольких русских детях нашего времени. Эти же слова свидетельствуют о сложности переживаемых этими детьми чувств к родине.

Более взрослые так анализируют своё отношение к родине после налетевшей катастрофы: «Нравственная жизнь в эти годы была ужасна. Жил и чувствовал, как будто живу в чужой стране». Или: «Чувствовать, что у себя на родине ты чужой,— это хуже всего на свете». А вот жуткие по своей непосредственности описания малышами выпавших на их долю ужасов. Ученица приготовительного класса, родившаяся в 1914 г., пишет: «Потом вечером моего папу позвали и убили. Я и мама очень плакали. Потом через несколько дней мама заболела и умерла. Я очень плакала».

<...> Остро проявилось у детей... чувство родины в момент расставания с ней. Этот яркий момент в истории детских скитаний запечатлелся в сотнях тетрадей. Он заставил задуматься детей над самым вопросом о родине и зафиксировал их чувство любви к отечеству.

«Когда я очутилась на пароходе, я заплакала, почувствовав, что я надолго покидаю родину». «Грустно и больно было оставлять Россию. Долго плакал я, лёжа на мешках под станками мастерской парохода».

Одна ученица пишет: «Хотя я была тогда маленькой девочкой, но я поняла, что такое родина и что такое любовь к ней».

Почти в каждой тетради отмечается, как грустно взрослые смотрели на уходящие берега родной земли, как многие при этом плакали. И в этом также фазисе детских страданий интересно подметить, как непосредственные, субъективные и более глубокие душевные переживания переходят часто в позднейшие рассуждения, большей частью тоже очень искренние, иногда же носящие следы наваянности и трафарета. У некоторых детей опять-таки вместо глубоких переживаний мы видим увлечение новизной впечатлений, интересом к путешествиям, а также надеждой, что наступает конец страданиям. Некоторые думают, что уезжают из России ненадолго. Многих потом ждёт горькое разочарование, так как для многих именно с момента погрузки на пароход открывается новая страница беженских страданий, а иногда и унижений, ещё более бередивших болезненные чувства к родине. <...>

Но дадим слово малышам. Ученица первого класса пишет: «Когда я была маленькая, мне было 8 лет, когда я уезжала из России. Мне было жаль только моих подруг, а особенно мне было жаль могилки дедушки и бабушки». «Многие старые люди, уезжая, прежде чем погрузиться на пароход, целовали

землю и брали кусочек её. Я очень жалею, что не исполнила совета моей старой няни сделать то же самое». «Когда пароход отошёл от берега, где стоял папа, я страшно плакала, что нет у меня дома, нет родины». «В первую ночь всё вспоминал нашу милую родину, милую деревню, и всё хотелось взглянуть хоть ещё раз на Россию».

Несколько более взрослые пишут: «Когда полк проходил мимо церкви, к брату подъезжали казаки, прося его: «Ваше благородие, отпустите у храма землицы взять». «Штыками, пальбой провожала меня родина. Прощай, большая мать».

А вот и вполне взрослые рассуждения <...>

Ученица 5-го класса пишет: «Но я верю, что наступит тот день, когда я опять вступлю на дорогу, но уже обновлённую родину, снова услышу родимую русскую речь и увижу свой дом, который я не видела уже так давно». <...>

«Я только и думаю о возвращении на родину и надеюсь, что это в скором времени случится. Эта мысль только и поддерживает меня и заставляет работать, чтобы в будущем как можно больше пользы принести людям».

При всё обостряющейся тоске по родине и по мере затяжки беженства многим детям всё тяжелее делается в изгнании, и единственным утешением и фактором, осмысливающим жизнь, является любовь к России, вера в Россию. «С каждым годом тяжелее жить в изгнании и всё крепнет любовь к Родине». «Все невзгоды и лишения, которые пришлось мне пережить на чужбине, ещё более укрепили веру в Россию».

«Россия, только великая Россия, — больше ничего у меня не осталось!»

«У меня ничего нет собственного, кроме сознания, что я русский человек».

«Любовь и вера в Россию — это всё наше богатство. Если и это потеряем, то жизнь для нас будет бесцельной». <...>

Приведём для заключения некоторые цитаты из сочинений детей разных возрастов, которые передают нам их воспоминания на чужбине о России и свидетельствуют, что их мысли постоянно заняты далёкой родиной. Один маленький мальчик пишет: «Когда была у нас в России зима, то тут все деревья уже были зелёные».

«И вспомнился праздник Пасхи там, на Родине. Звучат колокола, люди со свёртками в руках идут в церковь. Полночь...»

Более взрослые пишут:

«Живём воспоминаниями, хотя и тяжёлыми, но всё про милую Родину».

«Приехали в Варну; я, гуляя по набережной, думал о России».

«Есть на свете счастливые дети, которые помнят Россию. Я же её вижу как в тумане, потому что уехала из России маленькой, но не забуду её до конца своей жизни».

«Жалкие воспоминания о России. Хотя не хорошо, но всё-таки помню, как сладко мне было жить у моих родителей, я тогда не знала, что такое труд и горе, что такое быть голодным. И так прошло несколько лет моей беспечной жизни. Все стали говорить о какой-то революции... Хоть Россию я почти не помню, но стремления к ней никогда не угаснут в моей душе».

«И теперь здесь, пройдя школу жизни в Галлиполи, потом беженская жизнь в Болгарии укрепила во мне юношескую любовь к родине, которую привили мне мои дорогие родители».

На последние слова следовало бы обратить внимание многим русским родителям за рубежом.

Закончим эти выписки следующей цитатой, с такой непосредственностью и трогательной нежностью обращающейся к родине:

«Родная, милая, далёкая Россия! Слышишь ли ты, что здесь есть люди, которые жаждут Тебя и молятся за Твоё спасение?» <...>

И эта вера в возрождение родины и надежда самим ещё вернуться в неё и поработать для неё поддерживают их по большей части безрадостное беженское существование. Вот как это выражают два юноши-восьмиклассника:

«Только твёрдая вера в Россию и русский народ удерживала нас от отчаяния».

«Одна есть у нас надежда, скрытая под спудом сомнений, горечи и отрицания. Эта надежда — вера в воскресение к былому величию и славе дорогой нашей Родины. Если бы не было у нас этой веры, стыдно и преступно было бы нам называть себя русскими людьми, сынами земли, нас вскормившей».

Цит. по: Долгоруков П. А. Чувство родины // Литература русского зарубежья. Антология. — М., 1990. — Т. I. — Кн. I.

Список литературы

Russia abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939. Marc Raeff — New York — Oxford, 1990.

La première émigration russe. Vie politique et intellectuelle. Cahiers de l'émigration russe. 1. — Paris, 1994.

Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. 1919—1939. Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике. — Praha, 1999.

Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917—1988 гг.). — СПб., 2004.

Бондарева Е. А. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. — М., 2012.

Бочарова З. С. Российское зарубежье 1920—1930-х гг. как феномен отечественной истории. — М., 2011.

Вандалковская М. Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20—30-е гг. XX в. — М., 2009.

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921—1923. — М., 2005.

Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918—1945 гг. — М., 2000.

Культурное наследие российской эмиграции. 1917—1940. Кн. I—II. — М., 1994.

Марар О. И., Табачников Б. Я. Русская артистическая эмиграция: судьбы, творчество, жизнь (1918—1939 гг.). — Воронеж, 2002.

Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. — М., 1992.

Российские учёные и инженеры в эмиграции / Под ред. В. П. Борисова. — М., 1993.

Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. — Прага, 2012.

Русская эмиграция в Югославии. — М., 1996.

Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917—1939). — Тверь, 2002.

Серapiroнова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20—30-е годы). — М., 1995.

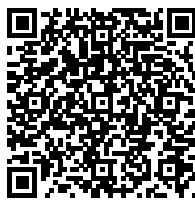
Струве Г. Русская литература в изгнании. — Paris, 1984.

Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: по материалам международной конференции / Отв. ред. М. Г. Вандалковская. — М., 2005.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921—1923 гг. — Paris, 1983.

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. — М., 1987.

Введение	3
Путь в эмиграцию	4
Военно-политическая эмиграция	—
Изгнание интеллигенции	6
Центры эмиграции	7
Франция	8
Германия	11
Чехословакия	13
Югославия	15
Болгария	18
Русские учёные в эмиграции	19
Деятели культуры в эмиграции	29
Приложение	38
Из воспоминаний известных учёных и деятелей культуры об эмиграции и о России	—
М. А. Осоргин	—
Ф. А. Степун	39
М. Н. Германова	42
И. А. Ильин	45
Г. И. Газданов	48
Г. П. Федотов	53
С. Н. Лифарь	54
П. А. Долгоруков	58
Список литературы	62

6e6d29a-d6e3-11e5-9b98-0050569c7d18

Учебное издание

Вандалковская Маргарита Георгиевна

**Русская эмиграция XX века
20—30-е годы**

Учебное пособие для общеобразовательных организаций

Центр гуманитарного образования
Руководитель центра *А. А. Данилов*
Редакция истории, обществознания и права
Редактор и ответственный за выпуск *Е. В. Прибыткина*
Художественный редактор *Е. В. Дьячкова*
Дизайнер обложки *О. Г. Иванова*
Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Е. В. Булгакова
Корректоры *Е. В. Барановская, Г. Н. Смирнова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000.
Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 16.12.16. Формат
70 × 90¹/₁₆. Бумага типографская. Гарнитура SchoolBookCSanPin. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Акционерное общество «Издательство «Просвещение». 127521, Москва,
3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в ООО «Тульская типография». 300026, г. Тула, пр-т Ленина, 109.